48

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 60 (2375) Среда, 3 декабря 1947 г. Цена 40 коп.

Великий закон

СССР — государство строящегося коммунизма—единственная в мире страна, где понятие демократии целиком очищено от всего фальшивого, ложного, где создана подлинно народная власть, где человеческие свободы существуют не на бумаге, а на деле. Священные права советских людей гарантированы Конституцией, которая носит имя своего создателя, великого борца за счастье человечества — Иосифа Виссарионовича Сталина.

В конституциях буржуазных государств немало есть напыщенных фраз о так называемых демократических свободах, но все это, как известно, ничего общего не имеет с действительностью.

Конституция, созданная Сталиным, — единственная Конституция в мире, которая не декларирует то, что должно быть, а констатирует то, что уже есть, то, что уже завоевано, то, что стало нерушимым достоянием народа.

Сейчас, накануне Дня Сталинской Конституции, осмысливая все достигнутое и завоеванное нами за тридцать лет советской власти, мы с радостью и гордостью сознаем великое превосходство нашей советской демократии, утверждающей права миллионов простых людей на свободу, на творческий труд, на радость познания.

Демократизмом проникнуты все человеческие отношения в нашей стране, где каждый гражданин чувствует себя свободным и равноправным членом общества, где перед каждым открыты все пути к совершенствованию, к созиданию, к славе.

Сталинская Конституция вызывает патриотическую гордость каждого советского человека. В основном законе нашей жизни отражены великие преобразования, которые совершил народ, ведомый большевистской партией и вождем коммунизма Сталиным.

Творческий размах советских людей, порожденный благородными законами жизни социалистического общества, боевые и трудовые подвиги патриотов, изумляющие мир, — прекрасное проявление нравственной силы сталинской демократии. Такой массовый героизм немыслим в обществе, где правит чистоган, где о человеке судят не по тому, что он создал, а по тому, «сколько он стоит», где все законы призваны оправдать угнетение и эксплоатацию трудящихся масс.

Каким чувством достоинства советского человека, чувством своего духовного превосходства проникнуто было опубликованное недавно в «Литературной газете» письмо знатной трактористки нашей страны Паши Ангелиной «Мой ответ на американскую анкету»! В биографии Ангелиной — крестьянской девушки, ставшей Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинской премии, членом правительства СССР, — отражено все величие советской демократии. Говоря о себе, Паша Ангелина одновременно осмысливает путь всех своих соотечественников. Сколько глубины в словах славной трактористки о том, что она не просто «вышла из народа», а поднялась вместе со всем народом.

«...Никакие атомные бомбы, — пишет Ангелина, — это говорю я, мать троих детей, не заставят нас отступить от законов жизни, которые мы считаем справедливыми, от советского нашего строя... Мы сумеем построить счастливое наше завтра и отстоять его, если потребуется. Тому порукой тридцатилетняя биография нашей советской страны, тому порукой двести миллионов биографий простых советских людей».

Так может писать только гражданин свободной, демократической, передовой страны мира. Так может писать человек, вдохновленный великим и справедливым законом нашей жизни, выросшей под живительным солнцем Сталинской Конституции, уверенный в том, что его завтрашний день будет еще прекраснее.

Высшая форма демократии, созданная в нашей стране, противостоит социальному строю тех стран, где господствует монополистический капитал, где от демократии осталось лишь название.

«Аппетиты империалистов не имеют пределов, — говорил В. М. Молотов в своем докладе 6 ноября 1947 года,—и ради достижения своих узкокорыстных целей они готовы попирать железной пятой демократические права в своей стране, а также права и суверенитет других государств».

К чему приводят эти узкокорыстные хищнические стремления империалистов, видно из того, что происходит ныне в США и Франции. И без того далекие от подлинной демократии, куцые «свободы» этих стран сейчас попираются реакционными правителями, выполняющими волю Уоллстрита. Конституции капиталистических стран составляются так, что в них всегда остается множество лазеек для врагов демократии. Какой поистине гнусный поход против элементарных человеческих свобод об'явили американские реакционеры, не стесняющиеся одновременно вопить о «свободе личности»! Разве не методами фашистской диктатуры действует правительство Шумана в стране, провозгласившей некогда «Декларацию прав человека».

В эти дни, когда народы Европы с каждым часом все громче заявляют о том, что простые люди всех стран стремятся к подлинной демократии, когда миллионы тружеников в открытой героической борьбе отстаивают свои права, свои человеческие свободы, — в эти дни с нарастающей силой звучит голос советской демократии.

День Сталинской Конституции совпадает в этом году с подготовкой к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Огромная политическая активность народа в этой кампании—новая демонстрация морально-политического единства советских людей, новое свидетельство торжества советской демократии.

Вся страна наша охвачена благородным социалистическим соревнованием, в котором каждый стремится работать так, как работают передовики, новаторы, герои.

Критика и самокритика, ставшие мощным двигателем нашего развития и роста,— одно из ярчайших свидетельств нашего поистине народного, поистине творческого демократизма.

Выдвижение кандидатов в местные Советы депутатов трудящихся проходит в обстановке подлинно демократической критики и самокритики. Народ всесторонне обсуждает каждую кандидатуру, присматривается к будущему избраннику, решая, насколько соответствует он тем высоким требованиям, которые пред'являют советские люди к депутатам.

Критика и самокритика — огромный творческий стимул и в нашей советской литературе. Народ-созидатель пред'являет нашим литераторам справедливый счет — мало написано художественных произведений о великой вдохновляющей и руководящей роли партии Ленина — Сталина, о советской демократии, о нашем доблестном рабочем классе.

День Сталинской Конституции советский народ встречает в неустанном труде во славу Родины, во славу нашей великой демократии, во славу строящегося коммунизма.

ПТИЧИЙ ДВОР

Рис. Б. ПРОРОКОВА.

Давно ль,
Давно ль
Петух де Голль
Был перелётной птицей?
Теперь де Голль
Играет роль
И бодро петушится.

Надут де Голль,
Что твой король!
Чего же хочет
Кочет?
Свою страну
Втянуть в войну, —
Вот он о чем хлопочет!

«Ку-ка-ре-ку!
Марш на Моску!»—
Поет петух протяжно.
Ему в ответ
Индюк-сосед
«Блюм-блюм!» — бормочет важно.

«Что тут за гам?»—
Кричит друзьям
Павлин роскошный—Мейер,
Раскрыв свой клюв
И хвост раздув,
Широкий, точно веер.

Кричит петух,
Войдя в азарт,
Роняя пух
И перья:
«Я буду новый Бонапарт.
Да здравствует империя!»

Гусь Даладье,
Гусь Рамадье
Кричат: «Го-го! Де Голля
Пора призвать
И не давать
Го-го-сударству воли!»

«Что тут за шум,
Друзья, у вас?»—
Шипит гусак Шу-шуман:
«Зерном сейчас
Покормит нас
Га-га-га-гарри Трумэн!»

Поет петух,
Терзая слух:
«Какая щедрость, птицы!
Сам дядя Сам
Пшеницу нам
Прислал из-за границы...»

Клюет заморское зерно
Петух,
Тряся короной.
Но петуху
Не суждено
Попасть в наполеоны.

У петуха
Хозяин скуп,
И, если кормит вволю,
То это значит:
Скоро в суп
Придется лезть де Голлю!

С. МАРШАК.

ОДНОЙ ЖИЗНЬЮ

Глава из второй части повести «Кавалер Золотой Звезды»

Семен БАБАЕВСКИЙ

Тимофея Ильича и пугало и радовало предстоящее выступление на собрании избирателей. Думать ему об этом было и приятно, и лестно, и как-то боязно—оттого и не спалось. Кровь приливала к вискам, тяжелели веки, и когда он закрывал глаза, силясь уснуть, перед ним вставала гудящая голосами станичная площадь — людная и густо расцвеченная знаменами. Старик видел себя на трибуне — тысячи глаз смотрели на него и ждали, а он робел, запинался и не находил нужных слов... Ворочаясь на постели, он тяжело вздыхал, вставал курить и подолгу сидел, спустивши на пол сухие, костлявые ноги в белых подштанниках...

Возле печки на соломе спали родниковские женщины, на лавке храпел Трифон.

— Тимофей, — сердито сказала Ниловна, не подымая с подушки голову, — и чего ты все куришь и тяжко вздыхаешь?

— А того и курю, — неохотно ответил Тимофей Ильич, — что думки лезут в голову, а какие они есть — тебе про то знать нельзя.

— Может, ты насмотрелся парней и девок, да и вспомнилось тебе свое молодечество?

Тимофей Ильич промолчал, докурил цыгарку и лег. «Задал я сам себе задачу,— думал он, натягивая на голову одеяло, — придется посоветоваться с Трифоном, человек он в этом деле сведующий...»

И перед ним опять раскрывалась площадь, и опять множество глаз смотрели на него и ждали... В груди у него холодело, мысли путались. Тогда Тимофей Ильич стал думать о своем, о привычном: о том, что пора бы уже ремонтировать парниковые рамы, но нет оконного стекла, и где его достать — трудно придумать; о том, что время провести ревизию в кладовой — пойти и поговорить об этом с Никитой; о том, что в январе надо будет перебросить на огороды весь навоз, который лежит во дворах третьей и четвертой бригад... Тимофей Ильич стал в уме подсчитывать, сколько потребуется подвод, немного успокоился, но уснул не скоро.

Только-только начинало рассветать. В сенную дверь кто-то настойчиво стучал кулаком.

— Эй, хозяева! Пора вставать!

Ниловна по голосу узнала Савву.

— Тимофей, — негромко сказала она, толкая мужа, — к нам Савва стучится. Иди впускай.

Тимофею Ильичу не хотелось вставать. «И за каким делом он пожаловал в такую рань», — бурчал он. Покрякивая, Тимофей Ильич неспеша сунул ноги в валенки, зажег лампу и, накинув на плечи тулуп, вышел в сенцы.

Савва Остроухов в шубе и в бурке, с замотанной башлыком головой, не вошел, а влез в хату, и от него повеяло холодом. У порога он гремел коваными сапогами, очищая снег, поворачиваясь, полой бурки опрокинул таз... От шума и от холода в доме все проснулись. Обе женщины, закрываясь одеялом, торопливо накинули юбки, надели кофточки и уже сидели на постели, расчесывая косы. Трифон тоже не спал, он еще лежал под шубой на лавке и закручивал папиросу. Спали только в соседней комнате Семен и Анфиса, и их не будили.

— Савва Нестерович, да ты в бригадиры годишься, — с усмешкой сказал Тимофей Ильич, поглаживая свисающие, желтые у губ усы. — У тебя бы никто не проспал!

— Дело есть спешное, — сказал Савва. — Ваш сын вызывает к восьми часам... А к вам я забежал — может что пожелаете ему передать.

— Ой, Саввушка, спасибо, сынок, что зашел, — всполошилась Ниловна, слезая с кровати. — Я зараз соберу Сереженьке посылочку. Он так любит моченые яблоки. А еще захватишь ему соленых арбузов и сметаны.

Ниловна надела шубчонку, взяла спички, огарок свечи и пошла в погреб.

— А от меня передай Сергею выговор,— сказал Тимофей Ильич.—Скажи ему, что так сыны не делают... Ну, посуди сам! Позавчера, под самый Новый год, как я дознался, Сергей был в станице, заезжал к Марфе Игнатьевне на птичник, а родной дом не навестил... Разве это по-сыновьи?

— Да, это нехорошо, — сказал Савва.— Я ему скажу... Ну, а как у вас, Тимофей Ильич, с речью? Готовитесь?

— Готовлюсь. Думок полная голова... Волнуюсь...

— Ничего, Тимофей Ильич, все будет хорошо. Вот я вам важную книжку принес — биографию товарища Сталина. Тут вся его жизнь.

Тимофей Ильич взял книжку, надел очки, подошел к лампе и стал рассматривать.

— За книжку, Савва, спасибо, — сказал он, — а только ты научи меня, с чего и как начинать?

— Прочитайте всю книжку, запишите на бумаге главную мысль, — уверенно заявил Савва. — Поставьте несколько наводящих вопросов, а потом по ним и режьте!

Такой ответ нисколько не удовлетворил Тимофея Ильича. «Режьте, поставьте наводящие вопросы, — думал он, — а с чего начинать — вот моя загвоздка». Тимофей Ильич хотел обстоятельно поговорить, а Савва торопился. У двора его поджидали сани, а тут еще засуетилась с посылкой Ниловна, укладывая в кошелку и моченые яблоки, и соленые арбузы, и махотку со сметаной, и какие-то пирожки... Когда Савва уехал, Тимофей Ильич подсел к своему квартиранту и рассказал ему о будущем собрании на площади и о том, что ему, Тимофею Ильичу, предстоит выступить там с речью о Сталине.

— По характеру я говорливый, — похвастался старик. — Вот, ежели, допустим, какую присказку рассказать или так запросто промеж себя побалакать, то я очень даже могу. А вот чтобы речь произносить—не приходилось... И речь же, опять-таки, не простая... Как-то даже боязно.

Чернявое, еще сонное лицо Трифона просветлело.

— Не бойтесь, Тимофей Ильич, — авторитетно заявил Трифон, сбрасывая с себя тулуп. — Эй, бабочки! Не глядите в мою сторону! — Трифон быстро оделся и участливо обратился к Тимофею Ильичу. — Я вам помогу составить речь — ничего в этом хитрого нету. Савва правильно советовал — надо сперва составить себе тезисы. — Черные глаза Трифона оживились.— Я всю эту премудрость знаю. Еще до войны приезжал к нам в станицу докладчик— настоящий оратор! Так у него все течет, заслушаешься! А почему? Потому, что говорит исключительно по тезисам. Он и меня учил, как все это составить. Слушайте, я и вас научу. Это нетрудно. Сперва наметьте себе главный тезис — с чего начинать. К нему припишите два-три примера— в виде наводящих вопросов. Затем идет дальнейшее развитие и углубление главного тезиса. Еще два-три наводящих вопроса—и довольно. После этого запишите себе основную мысль и тоже с наводящими вопросами. А в конце — краткие выводы и заключение. Вот и вся речь! Жаль, что мне надо итти на канал, а то бы я вам все написал...

Тимофей Ильич некоторое время молчал, комкая в жмене усы. Лицо у него сделалось грустным.

— Такую чертовщину нагородил,—с обидой в голосе сказал Тимофей Ильич. — Мне твои тезисы не подходят...

Трифон стал уверять, что именно так и нужно готовиться к выступлению, но Тимофей Ильич даже не захотел слушать.

— Не по тезису я хочу говорить, а по сердцу, — сердито сказал Тимофей Ильич и вышел из хаты.

Тимофей Ильич прошелся по двору, постоял у калитки, потом начал расчищать в снегу дорожки. Работая лопатой, он старался ни о чем не думать, а мысли о предстоящем собрании сами лезли в голову. «И Сергей на ту беду не едет, с ним бы посоветовался», — думал он. Прочистив дорожки, Тимофей Ильич прошел по глубокому снегу в сад, постоял на берегу Кубани—от реки доносились людские голоса и цокот колес. Взошло солнце. В холодном тумане над лесом лежал багровый пар, и голые, темные верхушки деревьев, тронутые оранжевой краской, отчетливо рисовались на белом фоне невысокой горы... Тимофей Ильич вернулся во двор, поднял плетень, напоил корову, сменил в свинарнике подстилку, занятый все теми же мыслями о предстоящем выступлении.

После завтрака Тимофей Ильич направился в правление. Там он поговорил с бухгалтером, худым и подслеповатым мужчиной, сказал ему, что пора провести в кладовой ревизию. Потом зашел к Никите в кабинет и попросил выделить огородной бригаде пару саней с волами; посоветовался с Никитой, где бы достать оконного стекла для парниковых рам; поругал плотников за то, что до сих пор не сделали деревянные коробки, которыми будут накрываться парники. Собравшись пойти в кладовую, Тимофей Ильич как бы между прочим спросил:

— Никита, а собрание в пятницу?

— Ровно в двенадцать.

— И прямо на площади?

— А то где же? Такого здания у нас нету, чтобы всех людей вместить. Знаете, сколько там соберется народу? Шесть станиц! Еременко говорил, что и Кондратьев приедет.

— А ты, Никита, как насчет речи? — спросил Тимофей Ильич, не подымая головы. — Подготовился?

— У меня, папаша, речь будет короткая.

— И без тезисов? — осведомился Тимофей Ильич.

— Безо всего.

— А как же так ты будешь — без тезисов?

— А так. Что есть у меня на душе — то и выскажу.

«Вот так бы и мне, безо всего», — рассуждал Тимофей Ильич, направляясь в кладовую.

Возле амбаров он встретил Еременку с газетами и журналами. Еременко шел напрямик через огороды, сапоги и полы шубы у него были в снегу.

— Тимофей Ильич, а я к вам забегал,— сказал Еременко, вытирая ладонью нагретый лоб. — Как у вас дело с речью? Не подведете? Еще не готова? Я так и знал... Тимофей Ильич, вы сядьте за стол и напишите, да слова подберите складные и красивые...

— Это вроде тезисов? — со вздохом спросил Тимофей Ильич.

— Во-во!—обрадовался Еременко.—Только расширенные... Я пришлю комсомольцев, они помогут.

— Обойдусь и без помощников.

Тимофей Ильич не пошел в кладовую, а вернулся домой, разделся, сел за стол и начал составлять конспект. В хате была одна Ниловна. Она с удивлением смотрела на мужа, который придвинул ближе чернильницу, положил перед собой ученическую тетрадь и что-то писал.

— Аль письмо сыну задумал послать?— спросила Ниловна.

— Не письмо, а тут, Ниловна, такое дело, что не знаю, как тебе и пояснить,— сказал Тимофей Ильич, поправляя на носу очки и посматривая на кончик пера.—Речь мне надо произносить — вот оно какая вещь... А без написанного не можно.

— Так по написанному говорить, как я думаю, труднее, — участливо заговорила Ниловна.

Тимофей Ильич только тяжело вздохнул.

— А ну, принеси мне с той хаты книжку,—сказал он, отодвигая чернильницу. — Ту, что Савва оставил...

Тимофей Ильич раскрыл книгу, прочитал первые строки, и сердце его наполнилось гордостью: Сталин и он были сверстники, а «ровесничество» или «ровня по годам» у казаков еще в старину ценилось дороже дружбы... Тимофей Ильич с радостью сообщил об этом Ниловне и продолжал читать вслух. Ниловна сидела возле стола и слушала, опершись щекой на ладонь и склонив на бок свою маленькую, в чепчике, голову... «Я вспоминаю 1898 год,—читал Тимофей Ильич, — когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских... Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение... моими первыми учителями были тифлисские рабочие». Тимофей Ильич посмотрел на Ниловну и сказал:

— В ту пору Сталину пошел девятнадцатый год...

— А припоминаешь, Тимоша, — оживилась Ниловна, предаваясь воспоминаниям,— как раз в том году мы с тобой поженились. Как сейчас все помню. Ты пришел к нашим свататься, в такой красной рубашке, в суконных шароварах и в чоботах, а моя мать тебя и в хату не пустила... Не хотела она выдавать меня замуж... Не забыл?

— И нашла что вспоминать, — с улыбкой возразил Тимофей Ильич, не отрывая глаз от книги. — Ничего в том интересного не было...

Тимофей Ильич продолжал читать, а Ниловна смотрела на него помолодевшими глазами — и то слушала, то о чем-то своем думала. Знакомясь с биографией Сталина, Тимофей Ильич и Ниловна невольно вспоминали пережитое, и им как-то по-особенному было приятно видеть свою жизнь рядом с жизнью Сталина... В апреле 1902 года Сталин был арестован, а Тимофей Ильич и Ниловна в этом году уже отделились от родителей, за лето построили домик. Илья Тутаринов выделил сыну пару бычков, бричку и телушку. С таким хозяйством можно было начинать жить, но в ту же осень Тимофея Ильича призвали на действительную военную службу. Пришлось продать и бычков и бричку и на эти деньги купить коня с седлом... Хорошо помнит Тимофей Ильич, как в октябре, на закате пасмурного дня он покидал станицу. Ниловна, молодая и красивая жена, стояла у калитки с сухими и горестными глазами. На руках у нее был только что родившийся второй сын, а первенец, трехлетний мальчик, держался руками за юбку матери и ласково смотрел на отца, уже сидевшего на коне... Как давно это было... А в том году, когда Сталин первый раз бежал из ссылки, казачий полк, в котором служил Тимофей Тутаринов, спешно погрузился в эшелон и уехал в Маньчжурию... Началась русско-японская война... Прошло три года. Сталин прибыл в Лондон на пятый с'езд партии, а Тимофей Тутаринов, усталый, душевно разбитый, вернулся в Усть-Невинскую. Жену и детей он нашел в крайней нужде. Сыны подросли, но были одеты в тряпье, как цыганчата, во дворе—ни брички, ни поросенка, ни коровы... Сжалось у Тимофея Ильича сердце. Сел он на завалинку и задумался. Надо было начинать жить сначала. И он начал. Залез в долги, кое-как отнулся на пару бычат-неучей... Тяжело вспоминать об этом.

Лист за листом Тимофей Ильич прочитал всю книжку, а Ниловна все так же, склонивши голову, слушала, вздыхала и раза два тихонько всплакнула... Надо было Тимофею Ильичу что-то записать в тетрадку, а вот что—не мог придумать... Пришли комсомольцы, но Тимофей Ильич отказался от их услуг, не стал слушать и советов вернувшегося с канала Трифона. Молчаливый и грустный, он с вечера лег в постель и лежал с закрытыми глазами. Он думал о прочитанном, и вся жизнь Сталина, как громадный утес, стояла перед ним. И рядом с этой большой жизнью шла своей дорогой маленькая жизнь казака Усть-Невинской. Тимофею Ильичу казалось, что его жизнь и жизнь Сталина, как две горные реки — одна маленькая, другая большая, — зародились в один год, но в разных ущельях, и потекли каждая по своему руслу. Маленькую, журчащую между камней речку все время притягивала к себе большая и бурная река, но между ними лежали горы... Только на широкой и просторной долине обе реки соединились и потекли вместе... «Ежели, к примеру, взять мою жизнь отдельно, — думал Тимофей Ильич, — то она хоть и простая и будто такого ничего не значит, а все-таки и в ней есть памятные годочки, и по ней рассеяно много и горестей и радостей... Хлебнул и я горя через край, рано породнился с нуждой, чтоб ее черти взяли...» И воспоминания снова чередой прошли перед ним... После революции, когда маломощному казаку по-настоящему полегчало, Ленин и Сталин стояли во главе советского государства, а у Тимофея Ильича к тому времени уже подросли дети и земли стало вдосталь... Живи и трудись!. В памяти воскресли годы коллективизации, строительство колхозов на Кубани, и Тимофей Ильич снова увидел свою жизнь рядом с жизнью Сталина... Началась война, пять сыновей Тутариновых пошли на фронт, а старик и старуха с дочерью работали в колхозе, и опять Тимофею Ильичу казалось, что жизнь его шла той же дорогой, что и жизнь Сталина... И хотя он свою жизнь считал тоже важной и значительной, но в сравнении с жизнью Сталина она выглядела так, как степной курган в соседстве с Эльбрусом... «Так вот с этого я и начну завтра речь о Сталине,—обрадованно подумал Тимофей Ильич. — Безо всяких тезисов, потому как самое главное у человека — есть его жизнь...».

Литературоведение и языкознание в 1948 году

Президиум Академии наук СССР утвердил план научно-исследовательских работ отделения литературы и языка на 1948 год.

В будущем году Институт русского языка продолжит начатое несколько лет назад создание словаря современного русского литературного языка и исторического словаря русского языка. В июне будет готов к печати первый том грамматики современного русского литературного языка (фонетика и морфология), а к концу года завершится работа над вторым томом (синтаксис).

Институт также готовит к выпуску первый том фундаментального «Диалектологического атласа русского языка».

В плане Института литературы (Пушкинский дом) на 1948 год в первую очередь следует отметить коллективные капитальные труды: «История русской литературы» (т. IX), «Русский фольклор» (т. III), «История русской критики». Будет закончена также монография, посвященная жизни и творчеству М. Горького. К исполняющемуся в 1949 году 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина институт подготовит две монографии о его творчестве и завершит работу над академическим изданием полного собрания сочинений великого русского поэта.

В Институте востоковедения будет вестись составление малых словарей — японо-русского, корейско-русского, русско-корейского, русско-афганского, урду-русского, а также двух больших словарей — китайско-русского и хинди-русского. Интересно отметить, что до сих пор ни в Европе, ни в самой Индии нет словаря языка хинди, который отвечал бы современным требованиям лексикографии.

Дадим стране больше бумаги!

НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО

Фабрика имени Володарского вырабатывает высокие сорта бумаги. На этой бумаге изданы краткая биография товарища Сталина, многие произведения политической, художественной, научно-технической литературы. На этой бумаге печатаются многие журналы, в том числе «Звезда», «Огонек» и другие.

В этом году мы подошли уже к довоенному уровню выпуска продукции, но мы отлично понимаем, что страна ждет от нас больше бумаги, притом бумаги лучшего качества.

План второго года сталинской пятилетки мы выполнили 17 октября. Вместе с другими предприятиями Ленинграда коллектив фабрики имени Володарского поставил перед собой задачу выполнить послевоенную сталинскую пятилетку в четыре года. Возможности для этого имеются.

Творческая инициатива нашего коллектива, рационализаторская мысль рабочих, инженеров, решительная борьба с узкими местами на производстве обеспечат нашу победу. Мы обновляем сейчас нашу техническую базу, повышаем квалификацию работников, пересматриваем технологический процесс в сторону повышения производительности бумагоделательных машин.

Обращение советских писателей прозвучало для коллектива фабрики имени Володарского, как призыв еще более напрячь силы для скорейшего осуществления задач, поставленных пятилеткой. Мы с радостью принимаем помощь, которую намерены оказать нам Союз советских писателей и «Литературная газета». Люди, создающие художественные произведения, воспитывающие народ, и мы, изготовляющие бумагу для книг, делаем общее важное дело на благо социалистической Родины.

Директор фабрики имени Володарского Н. ИВАНОВ, секретарь партбюро С. САЛОМАТИН, председатель фабкома М. ВАСИЛЬЕВ, мастер отделочного отдела А. КОРОТКОВ, сеточники К. ЖИЛЬНИКОВА, С. ЯКУШЕНКО, сортировщица Ф. СТУДИНОВСКАЯ.

ЛЕНИНГРАД. **(По телефону).**

СЛОВО РАБОЧИХ И ИНЖЕНЕРОВ БАЛАХНЫ

Коллектив Балахнинского бумажного комбината единодушно решил поддержать славный патриотический почин ленинградцев и досрочно выполнить пятилетний план.

Коллектив принял обязательство выработать в течение 1948—1949 годов дополнительно к плану 10.000 тонн бумаги, довести скорость бумагоделательных машин до 1025 метров в минуту.

В результате механизации трудоемких процессов удастся превзойти в 1949 году тот уровень производительности труда, который установлен пятилетним планом на 1950 год.

Рабочие и инженеры Балахны будут бороться за снижение себестоимости продукции сверх плана, за увеличение выпуска первых сортов бумаги.

С целью повышения квалификации рабочих и инженерно-технических работников решено организовать в 1948—1949 годах техническую учебу всего коллектива.

ПРАВДИНСК. **(По телефону от спец. корр. «Литературной газеты»).**

На фронтах национально-освободительной борьбы

ИНДОНЕЗИЯ

В меморандуме правительства Индонезии 26 ноября указывается, что «голландское правительство стремится полностью отрезать республику от внешнего мира. Голландский военно-морской флот проводит усиленную экономическую блокаду. Население Индонезии вследствие экономической блокады терпит все большие лишения». 28 ноября голландское радио сообщило о новой отправке 1500 солдат из Голландии в Индонезию.

Ожесточенное сражение не прекращается на многих участках островов **Ява, Мадура, Суматра.** На **Яве** голландские войска атакуют индонезийские позиции в районах **Тангеранга, Салатиги, Моджокерто, Маланга.**

Всеобщее возмущение вызывает факт умерщвления оккупантами 46 индонезийских военнопленных в поезде около Сурабайи. Индонезийское правительство обратилось к комиссии трех держав с просьбой доложить об этом злодеянии Совету безопасности. Индонезийцы требуют международного контроля над областями, оккупированными голландцами.

Хотя Индонезийская республика еще не сумела добиться решающего успеха, она, как заявил главнокомандующий индонезийской армией Судерман, полностью сохранила свою армию. «Отступление произошло в первые дни под давлением танков и авиации. Республиканская армия широко применяет методы партизанской войны и готова к продолжительной борьбе».

ГРЕЦИЯ

Радиостанция греческой Демократической армии сообщила 27 ноября, что в ответ на воззвание демократической организации молодежи Греции молодежь Македонии решила отправить в ряды Демократической армии 4.000 бойцов, молодежь Фессалии— 2.500. Молодежные организации в Румелии, Эпире, на Крите и ряде других островов также решили укрепить силы Демократической армии.

По сообщению верховного штаба греческой Демократической армии, демократические войска отразили все атаки монархо-фашистов, сконцентрировавших свои силы в северном районе города **Пинд** и безуспешно пытавшихся выровнять линию фронта. Части Демократической армии предприняли новые наступательные действия **в Западной Македонии.**

Греческие демократические войска усилили активность на юге Греции. В **Пелопоннесе** части Демократической армии совершили 27 ноября налет на **Амалиас.**

Согласно сообщению агентства Юнайтед Пресс из Афин, 28 ноября в районе **Янины** вспыхнули новые бои между монархо-фашистскими войсками и соединениями демократических войск, насчитывающих около полутора тысяч человек.

Корреспондент «Таймс» сообщает из Греции 30 ноября, что севернее **Драмы,** севернее **Эпира** и в районе **Эдессы** между частями Демократической армии и монархо-фашистскими войсками происходят ожесточенные сражения.

ЛАКЕИ ДОЛЛАРА

Ахмед Кавам

Рагим НОВБАРИ

Старик Ахмед — слуга шаха — торопился во дворец. По дороге он бросал нищим мелкие монеты: милостыня — лучший способ отогнать злого духа от новорожденного.

Первым, кого встретил Ахмед во дворце, был министр Эйнид-Доуле — правая рука шаха.

— Ваше превосходительство, — задыхаясь от радостного возбуждения, воскликнул старик, — Аллах ниспослал мне милость: у меня родился сын!

Эйнид-Доуле покровительственно кивнул головой:

— Если ребенок похож на тебя, назови его Ахмедом.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Я назову его Ахмедом.

Старик подобострастно поцеловал руку Эйнид-Доуле:

— Ахмед будет вашим верным слугой. Таким же, как я!

После смерти отца Ахмед действительно стал слугой Эйнид-Доуле, слугой человека, который славился своей бесчеловечностью: бесплодно прожитым считал он тот день, когда не совершалось ни одной казни. Эту житейскую «мудрость» усвоил и слуга.

Слуга?.. Вернее было бы назвать его лакеем.

К тридцати годам Ахмед Кавам занял пост министра внутренних дел Ирана.

Вот некоторые даты и события из его послужного списка.

1912 год. В компании с русским палачом — полковником Ляховым—Кавам удушил и потопил в крови народа иранскую революцию. Эту акцию Ахмед Кавам любил называть «священным купанием» (один из мусульманских религиозных обрядов).

1921 год. Кавам подавил национально-освободительное движение в Хорасане. Голову мятежника Тагихана он послал в подарок шаху.

Подарок пришелся по вкусу не только шаху, но и Ллойд-Джорджу.

С этого времени Англия стала тоже ворожить Ахмеду. Он быстро пошел в гору. И вот это уже не Ахмед, а Кавам-эс-Салтане — премьер-министр Шахиншахского Ирана.

«Честный слуга знает только одного хозяина» — гласит пословица.

Кавам был воспитан в иных традициях.

Англичане слишком откровенно вели свою колонизаторскую политику. Поддержка англичан могла отразиться на карьере Кавама. Не сошелся же свет клином на англичанах! Валюта есть и в других посольствах.

Поиски нового хозяина привели Кавама к американцам, которые еще накануне первой мировой войны протягивали щупальцы к Ирану. Американцы сделали вид, что удивлены появлением этого визитера, но втайне были весьма обрадованы. Посольство США давно присматривалось к Каваму. Везет же англичанам: им служит человек, способный на любую подлость!

Теперь повезло американцам. Кавам — это именно тот иранец, которого им недоставало. Через Кавама они смогут проникнуть в глубь страны, завладеть нефтью, превратить Иран в свой военный плацдарм вблизи южных границ СССР.

В 1922 году Кавам пригласил в Иран американскую экономическую миссию во главе с финансовым советником мистером Артуром Мильспо и предоставил американцам концессию на разработку нефти в Северном Иране. Такой акт противоречил ст. 13 Советско-Иранского договора, заключенного в 1921 году. Но это нисколько не смутило Кавама.

Иранский народ голодал. То там, то здесь вспыхивали восстания против угнетателей. Нужен был палач для ликвидации демократического движения. Если бы Кавам не переметнулся к американцам, англичане остановили бы свой выбор именно на нем. Пришлось прибегнуть к услугам другого агента — Реза-хана. При поддержке англичан он задушил народную республику в Гиляне. Заняв шахский престол, Реза-хан позаботился об устранении со своего пути всех возможных конкурентов.

Каваму пришлось бежать в Европу.

Отсюда велись переговоры с Реза-ханом. Кавам заверял его в лойяльности. Слезливые слова о тоске по родине были подкреплены крупной денежной суммой. И последовало разрешение вернуться в Иран.

Опальный вельможа поселился в родовом имении Лахиджане (Северный Иран).

Обладатель нескольких тысяч гектаров земли и солидных «сбережений», Кавам обдумывал в лахиджанской тиши план захвата власти. Для него хороши любые средства, вплоть до сговора с гитлеровской Германией о свержении династии Пехлеви. За это Кавам клятвенно обещал «фюреру» еще более эффективную помощь, чем та, которую оказывал немцам Реза-шах в борьбе с союзниками.

Но события развернулись не так, как предполагал изменник: в Иран вступили союзные войска. Пришлось спешно менять ориентацию.

Лестью и коварством Кавам втирается в доверие к молодому шаху — Мухамеду-Реза, плохо разбиравшемуся в политических махинациях. Кавам падает перед шахом ниц, дает на коране клятву верности до гробовой доски. По совету американцев Кавама назначили премьер-министром.

Став в 1942 году во главе правительства, Кавам готовился к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Кавам лицемерно заигрывал с демократами. Он соблазнял их министерскими постами. Но тогда известный прогрессивный деятель Сулейман Мирза разоблачил коварство Кавама и призывал иранцев не доверять этому политикану с диктаторскими замашками.

Конфидентами Кавама были американцы. В посольстве США плелась сеть интриг, опутывавшая не искушенного в политике шаха. Под'езжая к дворцу шаха, Кавам всегда вскидывал голову и долго смотрел на крышу. Здесь будет развеваться флаг его личной диктатуры. Здесь будет его резиденция — резиденция полновластного хозяина страны.

Но и тогда лисица не добралась до винограда. Каваму пришлось уйти в отставку, хотя он и не терял надежды.

Демократическое движение охватывало все более и более широкие круги.

Иранский Азербайджан требовал предоставления народу элементарных человеческих прав — в первую очередь права учиться на родном языке. Народ настаивал на отмене грабительских налогов, которые шли не на благоустройство и культуру страны, а на украшение и содержание тегеранских дворцов.

— Долой тегеранских лордов! — кричал Курдистан. — Довольно сосать кровь из народа!

Крестьяне Хорасана восстали против отечественных грабителей — феодалов.

Забастовало 100.000 голодающих рабочих английской нефтяной концессии.

Авторитет и влияние единственной подлинно-демократической партии в стране — Народной партии — росли не по дням, а по часам.

В такие периоды бури и натиска Кавам предпочитает отсиживаться и выжидать в своем Лахиджане. Так он поступил и на этот раз. Нервно шагал он по роскошным залам усадьбы, злорадно потирая руки. И только порой находило сомнение: хватит ли сил справиться с разбушевавшимся морем — вогнать его в берега?

Ждать пришлось недолго. В январе 1946 года о былых «заслугах» Кавама одновременно вспомнили и насмерть перепуганная иранская помещичье-купеческая верхушка и влиятельные англо-американские круги.

Кавам не заставил себя долго упрашивать и тотчас прибыл в Тегеран.

Здесь он поднялся на трибуну, подошел к микрофону и актерским жестом поднес шелковый платок к сухим глазам, поблескивавшим за стеклами черных роговых очков.

— Сколько иранских патриотов в результате политики порабощения, алчности, вожделения провели долгие годы своей жизни в тюремных застенках или же принесли свою жизнь в жертву на алтарь борьбы за прогресс и независимость Ирана! Сколько даровитых сыновей, честных людей лежат теперь в земле! Эти честные люди унесли с собой в могилу мечты любимого Ирана!

Голос его звучал патетически. Но, произнося эту речь, Кавам думал, как всегда, не об Иране, а только о себе. Ему необходимо было завоевать симпатии народа, снискать доверие прогрессивных элементов, общественности. 26 января 1946 года Кавам говорил корреспонденту лондонского «Обсервера»: «По справедливости Иран не должен отказать России в таких концессиях, какие он предоставил Англии».

У Кавама был заранее подготовленный план нового предательства: ограничить сферу демократического движения территорией тех провинций, где оно достигло наибольшего размаха. Локализовать его с тем, чтобы легче было его обуздать, а затем обезглавить.

Он создает свою партию, цинично названную им «Демократической», и становится во главе ее. Он даже поднимает голос против политики национального угнетения и за обеспечение прав народа «в соответствии с конституцией и демократическими принципами».

Кавам ораторствует, хитрит, обвиняет.

Он обвиняет депутатов меджлиса: как могли они без всяких оснований отвергнуть мандат главы правительства Иранского Азербайджана — Пишевари?.. Как смели они клеветать и сеять вражду между Советским Союзом и Ираном, разжигать пламя раздора между народами внутри страны?

Рядясь в прокурорскую тогу, Кавам говорит о депутатах меджлиса: «Они привели страну к катастрофе, они не сделали ни одного шага для поддержания и увеличения благосостояния народа. Они только преследовали личные корыстные цели!»

Кавам учел, что его соотечественники преисполнены любви и глубокого уважения к Советскому Союзу. Это прекрасный козырь в борьбе за политическое влияние. И отсюда — мысль о поездке в Москву. Поездка широко афишируется в газетах, по радио.

«Я еду в Москву, — лицемерно оповещает Кавам, — чтобы добиться успеха в закреплении непоколебимой дружбы между иранским народом и народами СССР».

Чемоданы уложены.

Остается сделать последний ночной визит. Нетрудно догадаться, что он был нанесен тогдашнему американскому послу в Иране — Уоллем Мюрей.

А утром, в лучах жаркого тегеранского солнца, перед отлетом самолета Кавам заявляет о том, что он везет в Москву «чистую любовь, дружбу и лучшие чувства иранского народа». «Верьте мне, — обманно заканчивает он, — я сторонник народа и принципов демократии, свободы и дружбы Ирана и СССР».

Как не пожелать доброго пути такому делегату?

Москва! Гостеприимная столица всех друзей мира.

В Москве было, конечно, известно темное прошлое гостя. Но его принимали не как Кавама, а как посланца иранского народа.

Вернувшись в Тегеран, Кавам поспешил информировать своих соотечественников о результатах поездки:

«Выражаю радость по поводу столь ценного достижения и начала новой эры во взаимоотношениях между нами и Советским Союзом».

Речь шла о советско-иранском нефтяном соглашении. Оно вызвало восторженные отклики иранских газет, многочисленные приветствия по адресу Советского Союза и его честной миролюбивой политики. Прогрессивная общественность называла советскую страну бескорыстным, истинным и искренним другом, который, подписав нефтяное соглашение, действительно открыл новую страницу в истории Ирана. Засияла надежда на светлое будущее: благодаря соглашению исчезнут заботы, мрачные думы о завтрашнем дне. Конец безработице, голоду!

Кавам надел маску передового государственного деятеля. Он подписывает соглашение с демократами Иранского Азербайджана, признает его автономию и обещает во всем Иране провести демократические реформы.

Народ ликовал: наконец-то признаны его права, завоеванные в упорной борьбе с реакцией.

Кавам настолько вошел в роль, что иранские реакционеры и англо-американские «друзья» стали всерьез принимать его действия и выступления. В посольских кабинетах, в акционерных компаниях, в особняках богачей и помещичьих усадьбах — беспокойство, тревога: «Что случилось с нашим Кавамом?!» Им казалось, что они знают его, как облупленного... и вдруг такая перемена!

Сам крупнейший землевладелец, он обещает земельную реформу, безвозмездную передачу земли народу.

Ярый враг демократии, он организует и возглавляет «Демократическую» партию. Палач, обезглавивший сотни революционеров — верных сынов иранского народа, он признает власть демократов в Иранском Азербайджане. Не ему ли принадлежит «изречение»: «Кто осмелится препятствовать мне, тот будет раздавлен, как ядовитое насекомое!» А теперь он говорит только о свободе и клеймит диктаторов.

— Совершенно необ'яснимо!.. Загадочно... Может быть, наш Кавам сошел с ума?!

Но Кавам остался Кавамом. Играя в демократию, он с нетерпением ждал того дня, когда последний советский солдат покинет иранскую землю.

Присутствие советских войск в Иране стесняло Кавама: грязное дело лучше всего делать без свидетелей.

Свидетели ушли.

И демократическая маска сброшена.

«Довожу до сведения общественности, что я больше не разрешаю различным рабочим организациям вмешиваться в управление государством».

— О, теперь мы узнаем нашего Кавама!.. Это наш прежний Кавам!..

Закрываются рабочие клубы, прогрессивные газеты и журналы, арестовываются честные демократические деятели. А как же с земельной реформой? «Бог мне дал на хранение землю, и на этой земле я усилю и укреплю подлинную основу собственности».

Новый американский посол Аллен охотно обещает Каваму заем в 250 миллионов долларов. Американские военные специалисты разрабатывают план разгрома рабочего движения в Иранском Азербайджане, Курдистане, Гиляне. Кавам санкционирует эту «операцию».

Для обеспечения «спокойных выборов» в новый меджлис Кавам направляет войска и жандармерию во все концы Ирана. (В скобках заметим — войска и жандармерия обучены американскими инструкторами под руководством генералов Гроу и Шварцкопфа).

Вооруженные силы предательски врываются в Иранский Азербайджан: вчерашний «демократ» и «друг народа» вероломно аннулирует свое же соглашение с азербайджанцами. Начинается кровавая расправа с патриотами, которым было клятвенно обещано учреждение местных самоуправлений и человеческие условия существования для азербайджанского народа.

Десятки тысяч демократов брошены в застенки американского лагеря в Баграбаде, дружественно предоставленного в распоряжение Кавама. Азербайджанцев лишили права участвовать в выборах в меджлис. Им навязали махровых реакционеров, как феодал Зульфигари, предатель Саед и старый агент Англо-иранской нефтяной компании пресловутый Таги-Заде.

Для проведения «свободных» выборов в Мазандаране прибывает отряд пулеметчиков. Это еще более действенная «агитация».

Те, кто недавно готов был назвать Кавама «сумасшедшим», воочию убедились, что он находится в твердом уме и здравой памяти. Американский посол мистер Аллен официально заявил, что он считает действия иранского правительства «совершенно нормальными и уместными». Это была моральная поддержка. А поддержку военную попрежнему оказывали Каваму генералы Гроу и Шварцкопф. Вместе с Кавамом уточнялись все детали разгрома демократии, намечались точки, где должны быть поставлены виселицы. Для американских генералов это такое же привычное профессиональное дело, как линчевание негров, как расстрел китайских рабочих в Шанхае, как убийство пьяными солдатами США иранских женщин на улицах Тегерана и многие, многие другие преступления.

Из Вашингтона прибывают «наблюдатели» — военные специалисты, конгрессмены. Они, как заявил глава комиссии Дьюри Шерт, посещают «все те страны, в которых находятся американские военные отряды. Мы прибыли в Иран, чтобы непосредственно ознакомиться с положением дел здесь».

Американское «непосредственное ознакомление» в действительности обозначает передачу Ирана под протекторат американского империализма. Президент Трумэн утвердил Кавама протектором. Ему «ассигнованы» по разверстке пять пехотных дивизий.

С шахом теперь можно не считаться даже для проформы. И Кавам выступает с диктаторской декларацией: «Я взял власть в свои руки в самый критический момент и отдавать ее не собираюсь. Это — окончательно».

С трибуны так называемого меджлиса Кавам нагло заявил: «Подписанное мною советско-иранское соглашение — не в интересах Ирана».

— Правильно! Правильно! — хором крикнули его «депутаты». — Пусть бог тебе поможет!

Кавам привык надеяться не на бога, а на собственное вероломство и на покровительство иностранных друзей.

Аллен знакомит Кавама с вновь прибывшими из Вашингтона инструкторами — представителями Генерального штаба США. Они собираются совершить автомобильную прогулку вдоль советско-иранской границы.

Иранская прогрессивная общественность клеймит презрением американского наймита. Истинным патриотам ясно, почему иностранные нефтяные магнаты так бешено сопротивляются проведению в жизнь советско-иранского соглашения.

Газета «Разм», выражающая настроения широких масс Ирана, с глубоким возмущением пишет:

«Меджлис в угоду американским интересам продолжает политику дискриминации в отношении Советского Союза. Меджлис толкнул Иран в лагерь американского империализма. Ни один иранский патриот не может согласиться с такой политикой».

Заискивая и раболепствуя перед американцами, Кавам не забывает и своего кармана: он получил от американских нефтепромышленников не один миллион долларов. Так сообщал американский радиообозреватель.

Американцы надоумили Кавама поставить «своих людей» у ворот Тегерана. Средь бела дня «свои люди» грабят крестьян. Этот «налог» дает ежедневно кругленькую сумму в 9 миллионов риал. Они идут на содержание «Демократической» партии Кавама.

Дым от огня, зажженного Кавамом и раздуваемого американцами, ест глаза иранского народа. На площадях Тегерана уже можно услышать такие речи: «Кавам — микроб. Он душит народ, губит свободу». «Если Кавам и дальше будет настаивать на продолжении своего пребывания у власти, народ обязан арестовать его».

В 1942 году иранский народ, вооруженный только палками и камнями, разогнал продажный меджлис. Народу дорога честь и независимость родины. И он сумеет раз'яснить Каваму, что незачем испытывать однажды испытанное и повторять политику, уже потерпевшую крах.

История не знает случаев, когда продажные лакеи были бы спасителями страны.

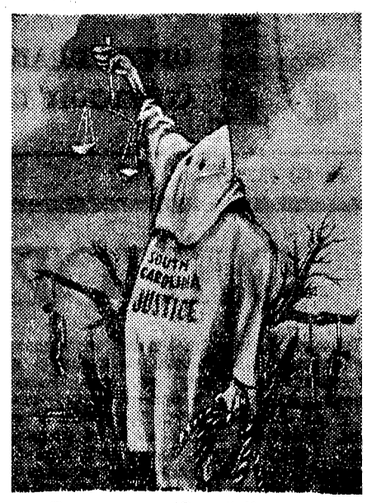
Ахмед Кавам-эс-Салтане — потомственный лакей, «нукер» империализма.

История против Кавама, ибо против него иранский народ!

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Суд присяжных штата Южная Каролина недавно оправдал всех участников линчевани янегра. («Нью-Мессес»).

Рис. ГРОППЕРА.



Правосудие в Южной Каролине

Факты без комментариев

«МИЛЛИОНЕРЫ»

В Шанхае в порядке «режима экономии» закрыты недавно все дансинги. Когда 20 тысяч работавших в них девушек заявили протест, выяснилось, что каждая из них получала зарплату в 4.500.000 долларов в год. Правда, речь идет не об американских, а об отпечатанных в США китайских долларах.

Официальный курс американского доллара в Китае — 12 тысяч китайских долларов, а на черном рынке за него дают 50 тысяч. Китайцу, отправляющемуся за покупками, приходится носить с собою корзинку с деньгами, так как за любую приобретенную вещь обычно расплачиваются пачками ассигнаций.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ И ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЛИЦА В США

Государственный департамент США недавно отказал в визе весьма популярному в Америке мексиканскому художнику Ксавье Герреро на том основании, что «ввиду своей активной антифашистской деятельности он является врагом Соединенных Штатов». Вместе с тем виза на в'езд в США была свободно предоставлена норвежской певице Кирстен Флагстад, усердно сотрудничавшей с немцами во время оккупации Норвегии

СТРАВИНСКИЙ СОЧИНЯЕТ ФОКСТРОТЫ

Руководитель американского «Лиидс мюзик корпорейшн» Лу Леви предложил Игорю Стравинскому заняться переделкой собственных произведений для джаза. «Сделайте это сами, и вы заработаете большие деньги», — советовал Стравинскому этот бизнесмен.

Стравинский, «после зрелого размышления», как пишет газета «Монд», переделал рондо из своей «Жар-птицы» в слоу-фокс и назвал его «Летняя луна».

Знатоки джазовой музыки уверенно предсказывают, что Стравинский превзойдет всех, даже самых знаменитых «джазистов».

ФУТБОЛ И ЦЕРКОВЬ

Желая привлечь по воскресеньям в церковь возможно большее количество молодежи, чикагский католический епископ Бернард Дж. Шил распорядился установить во всех католических церквах города телевизионные установки и вести передачу футбольных матчей непосредственно со стадионов.

ПАЛАЧ С ЗАПРОСОМ

Как сообщает агентство Рейтер из Парижа, официальный палач Франции Дефурно 25 ноября отказался гильотинировать восемь человек, приговоренных к смертной казни. Он потребовал, чтобы ему дали ставку начальника отдела департамента и выплачивали премию за каждую срубленную его гильотиной голову.

«ОСАДИ НАЗАД!»

Негр Рой Джонсон приговорен судом штата Северная Каролина к штрафу в 25 долларов за то, что сел на переднее место в автобусе, в то время как для негров отведены три последние скамейки. Оглашая приговор, судья прочел лекцию о необходимости изоляции белых от черных.

Л. СЛАВИН

Войны, о которых не пишут продажные газеты

Если бы какой-нибудь из советских писателей вздумал написать произведение на тему, подобную той, какая разработана в «Скупом рыцаре» Пушкина или в «Тартюфе» Мольера, он вынужден был бы искать натуру за пределами Советского Союза, где-нибудь поближе к Уолл-стриту.

Есть темы, веками питавшие мировое искусство, но оказавшиеся вымершими в нашей стране.

Сюда относится и колониальная тема, по которой буржуазные писатели Запада так долго вышивали изящные экзотические узоры.

Впрочем, ныне эта тема становится неудобной и для западной литературы.

Слова: Ямайка, Барбадос, или Тринидад, или Британская Гвиана, или Подветренные острова всегда ассоциировались с щеголеватыми почтовыми марками и элегантными обложками приключенческих романов.

Но сейчас экзотическая тема стала слишком грубой и гулкой. Из изящной словесности она ушла в кровавую хронику газет.

В течение трех месяцев на лондонских улицах можно было видеть живописные фигуры делегатов из Западной Африки. Они прибыли для переговоров с министерством колоний о предоставлении самоуправления народам Нигерии и Камеруна. Их приняли пышно.

Но и делегатам, и тридцатимиллионному народу, который они представляли, приказано быть пай-мальчиками, не баловаться с самоуправлением, не лезть без спросу в независимые нации. Ишь ты! Самоуправления захотели! Экие вольнодумцы! Ну-ка, марш на место!

В самом деле, вчера Египет, сегодня Индия, завтра Палестина — этак от Британской империи ничего не останется.

«Солнце никогда не закатывается над владениями английской короны», — гласит старинный горделивый лозунг британской колониальной империи.

Но, как замечает орган английской независимой рабочей партии «Сошелист лидер»:

«Если солнце никогда не закатывается над империей, то сама империя в конце концов переживает закат».

Однако в зрелище этого заката нет ничего от умиротворяющих красок идиллического вечернего пейзажа. Сумерки империализма заполнены скрежетом танков и вспышками авиабомб.

По крайней мере четыре необ'явленные войны ведутся сейчас в мире, который уже два с половиной года официально считается невоюющим: в Китае, в Индонезии, в Греции, во Вьетнаме.

Поджигатели войны пытаются выдать свои хищнические колониальные походы за обыкновенные полицейские мероприятия, вроде регулировки уличного движения.

«Авторитетные круги уточняют, — сообщает агентство Франс Пресс по поводу войны, учиняемой французскими войсками во Вьетнаме,—что дело идет об операциях полиции, преследующей цель обеспечить контроль над границами».

По поводу действий подобной же «полиции», вооруженной линкорами и реактивными самолетами, индонезийская газета «Буру» пишет в номере от 22 ноября:

«Если голландцы стремятся к миру, то мы не понимаем, почему они продолжают забрасывать наши города дождем бомб, снарядов, пуль?»

Мы намеренно привели дату — 22 ноября, потому что, как известно, еще в сентябре организация Об'единенных наций вынесла решение о прекращении военных действий в Индонезии и даже послала туда свою комиссию.

Но, как сообщает индонезийское агентство «Антара»:

«Со дня отдачи приказа о прекращении военных действий голландцы нарушили этот приказ 3.670 раз».

Все это делается под благодушными взорами комиссии ООН, состоящей из американца, австралийца и бельгийца. Эти три невозмутимых джентльмена называют себя несколько игриво: «Комиссия добрых услуг».

Если принять во внимание, что, не смущаясь присутствием комиссии, голландцы продолжают методически обстреливать из самолетов мирное население вокруг Сурабайи и Ламонгана, не щадя при этом и госпиталей, жечь дома в деревнях, расстреливать пленных, то надо признать, что «добрые услуги» этой комиссии носят довольно односторонний характер.

«Мы не хотим зависеть от голландцев,— пишет политический обозреватель агентства «Антара», — чья торговля сейчас полностью в руках Уолл-стрита... Мы очень сожалеем, что противник игры этих маклеров с Уолл-стрита, Советский Союз, не входит в состав комиссии. Советский Союз, несомненно, поддержал бы позицию Индонезии в достижении полной свободы».

Никогда еще полюсы добра и зла не обозначались в мире с такой явственностью. Семидесятимиллионный индонезийский народ борется за свою свободу и независимость. Голландские наемники Уолл-стрита борются за индонезийский сахар. Вице-министр экономики индонезийской республики Касимо сообщил на-днях, что «голландские войска с помощью английских и американских танков и авиации захватили на территории республики более 300 тысяч тонн сахара».

30-миллионный народ Нигерии и Камеруна отстаивает свое право на самоуправление. Артур Крич-Джонс отстаивает в этих колониях крупные рынки сбыта для ланкаширских текстильных фабрикантов.

На одной стороне мира — честь, справедливость и правда. На другой — алчность, жажда наживы и мрак расистских предубеждений.

На конференции представителей семи английских колоний в Вест-Индии г. Крич-Джонс отверг требование трехмиллионного народа Вест-Индии о самоуправлении и туманно заявил, что «единственное спасение заключается в об'единении сил».

В ответ на это влиятельный деятель рабочего движения на Ямайке У. А. Бустаманте сказал:

«После 200 лет английского господства настало время не только для создания федерации, но и для предоставления самоуправления».

В другой точке мира, в Джокьякарте, газета «Буру» пишет:

«В течение 350 лет голландцы с помощью штыков хотели установить «спокойствие и порядок». Если они не сумели этого добиться раньше, то сейчас они будут иметь еще меньше успеха, несмотря на танки и бомбардировщики, так как индонезийский народ стал более сознательным и выступает единым фронтом в борьбе за свою свободу».

Нет, это не народы воюют друг с другом. Простым людям Америки, Англии, Голландии, Франции не за что проливать свою кровь в далеких болотах Кохинхины и тропических лесах Явы.

Это под покровом ночи, привлеченные запахом сахара и каучука, ломятся в чужие дома бандиты, вооруженные современным воровским инструментарием, где место отмычки и кастета заняли американские и английские самолеты и танки.

«ПОЧЕМУ Я КОММУНИСТ»

Так называется книга, выпущенная недавно издательством коммунистической партии Франции. В небольшой по об'ему, но очень интересной книжке собраны высказывания семидесяти выдающихся представителей французской интеллигенции, являющихся коммунистами. Некоторые из них умерли давно, либо погибли в период борьбы с фашизмом, другие живут и трудятся на самых разнообразных участках культуры. Они все, живые и мертвые, принадлежат к числу лучших людей французского народа, к числу тех, кто действительно двигает вперед науку, литературу и искусство Франции.

В последнее время во Франции реакционеры всех мастей все чаще вопят о необходимости «защиты культуры» от якобы угрожающих ей «разрушительных сил» коммунизма. Посмотрим же, от кого собираются «оберегать культуру» двести семейств Франции и подведомственные им правительство, желтая пресса, Сюрте Насиональ, графоманы, порнографы и потенциальный фюрер французской реакции генерал де Голль.

Повидимому, прежде всего, они собираются «защитить культуру» от знаменитого писателя Анатоля Франса, в вечер своей жизни вступившего в ряды коммунистической партии.

Ведь это Франс писал: «Мы верим в грядущий мир на земле. Но мы основываем наши надежды не на своих мечтах и желаниях, а на наблюдениях за социальными феноменами и на положениях исторического материализма...» («К светлому будущему»).

Или, быть может, нужно «защищать культуру» от всемирно известного физика Поля Ланжевена? На конференции компартии Франции в 1936 году Поль Ланжевен заявил: «Заслуга партии в тесном единении мысли и действия. Говорят, что коммунист должен непрерывно учиться. Но я хочу вам сказать, что чем больше я знаю, тем больше я чувствую себя коммунистом. В великом учении Маркса — Энгельса — Ленина я нашел об'яснение вещам, которые бы я иначе никогда не понял в моей науке».

Вот предсмертные слова героически погибшего в борьбе с гитлеризмом Габриэля Пери — вдохновенный гимн коммунизму:

«Я вспомнил сегодня ночью то, о чем так убедительно говорил мой дорогой Поль Вайян-Кутюрье, — коммунизм, подготавливающий наше поющее завтра, это молодость мира. Сейчас и я иду подготовлять этот завтрашний день. Наверное потому, что Марсель Кашен был моим учителем, я чувствую в себе силы бестрепетно встретить смерть. Прощайте, и да здравствует Франция!..»

Призыву героев, павших в борьбе, отвечают живые.

«Полностью разделяя точку зрения борцов партии в течение многих лет, — пишет доктор физических наук Андре Ланжевен, — я, после смерти моего отца, профессора Поля Ланжевена, почувствовал абсолютную необходимость хотя бы частично заполнить пустоту, образовавшуюся с его уходом в рядах коммунистов-интеллигентов».

Онколог Ж. Дюкуен, профессор хирургической клиники в Тулузе, говорит: «Я вступил в коммунистическую партию Франции потому, что ее доктрина основана на диалектическом материализме, ничего равного которому не создала человеческая мысль. Касаясь научных проблем и, в частности, непосредственно связанных с моей профессией, я не могу себе представить их решение вне диалектического материализма».

Крупнейший химик Франции, Фредерик Жолио-Кюри заявляет, что «коммунистическая партия — это единственная партия, целеустремленно борющаяся против фашизма, консерватизма и эгоистического меньшинства, за свободу, прогресс и справедливость».

Люди светлого разума и чистого сердца уже не мыслят себе свободу, прогресс и справедливость вне осуществления идей коммунизма.

«Я коммунист, — пишет журналист Пьер Куртад, — так как считаю, что справедливое должно быть сильным, а также потому, что в испытаниях коммунисты были честью Родины».

Ту же мысль высказывает известная французская журналистка Андре Виолис: «Почему я стала коммунисткой? Мне кажется, что внутренне я ею была всегда. Но только в 1938 году, в час Мюнхена, когда коммунистические депутаты были подвергнуты репрессиям за смелость, благородство и искренность, я всем своим сердцем примкнула к коммунистической партии».

Ей вторит врач Жан Дальзас: «Я с самого начала своей врачебной практики убедился в существовании жестокого неравенства людей. Это неравенство может исчезнуть только при социалистическом переустройстве мира».

В этом небольшом сборнике мы слышим ясный голос крупнейших поэтов, художников и композиторов современной Франции.

«Я вступил в коммунистическую партию, — пишет поэт Поль Элюар, — весной 1942 года. И потому, что это была партия Франции, я связал с нею все свои силы и всю жизнь. Я хотел быть среди людей моей страны, которые шагают к свободе, к миру, к счастью, к настоящей жизни».

Разными путями пришли в партию композитор Луи Дюрей, философ Жан Марсенак, доктор Жанна Леви, писатель Клод Морган, журналистка Симон Тери. Но многие из них назовут великолепные строчки стихотворения Луи Арагона «Поэт обращается к партии» голосом собственного сердца:

...Я начал забывать, как детский
сумрак сна,
Что сердцем я француз, что кровь
моя красна.
Я помнил только ночь и цвет всего
ночного...
Мне партия дала глаза и память
снова.

В сборнике «Почему я коммунист» приведены высказывания только небольшой части французских интеллигентов, связавших свои судьбы с коммунистической партией.

Но и этих высказываний вполне достаточно для того, чтобы понять, на кого заносится дубина сегодняшними «защитниками культуры». Это — дубина громилы, угрожающего подлинной культуре человечества.

Литература в долгу перед нашим рабочим классом

* * *

Большая тема современности

Большая тема нашей советской действительности, тема рабочего класса еще не завоевала себе того места в литературе, которого она достойна. Год назад напечатан в журнале «Новый мир» очерк Бориса Галина «В Донбассе». Если напрячь память, можно припомнить еще два-три названия небольших повестей, посвященных ученикам ФЗО и ремесленных училищ. И это все, что появилось до последнего времени за два года со дня окончания войны.

У советской литературы есть заслуги в изображении рабочего класса нашей страны. Начиная с М. Горького — первого из писателей, указавшего на «величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире»,— раскрытие роли свободного труда в формировании человеческого характера стало основным признаком социалистической литературы. Это определило резкую грань между нею и литературой собственнического общества, всегда расценивающей труд, как проклятие. В этом — великое новаторское значение советской литературы. Естественно, ее представители искали, в первую очередь, своего героя там, где создавалась новая общественная мораль, где зарождались и совершенствовались новые формы коммунистического отношения к труду, — в рабочем классе нашей страны. От первого коммунистического субботника до «огненного взрыва массовой энергии» — стахановского движения, этой высшей формы социалистического соревнования, — таков путь трудовых советских людей в предвоенный период.

Советские прозаики создали произведения, рисующие духовный облик нашего рабочего, раскрывающего становление нового социалистического характера, воспитанного героической партией Ленина — Сталина.

В годы восстановления и первых сталинских пятилеток советская литература практически решила вопрос о методах изображения трудовой жизни народа. В борьбе с формализмом и техницизмом, с влияниями идеологии капиталистического Запада создавались произведения, показывающие «лучшее из великого — человека», раскрывающие связь и взаимозависимость трудовой жизни отдельного человека с историческим движением общества к социализму.

«Цемент» Ф. Гладкова, «Как закалялась сталь» Н. Островского показали рождение качеств нового советского рабочего. В. Катаев в романе «Время, вперед!», Л. Леонов в «Соти», М. Шагинян в «Гидроцентрали», Ф. Гладков в «Энергии» изобразили трудовой энтузиазм нашего рабочего класса в годы пятилеток. В своей превосходной книге «Люди из захолустья» А. Малышкин попытался раскрыть процесс духовного перерождения миллионов простых людей под влиянием свободного труда, направленного не на удовлетворение частнособственнических интересов, а на благо народа. Ю. Крымов проникновенно передал дух социалистического соревнования в повести «Танкер «Дербент».

Отдельные недостатки этих произведений не могут закрыть главного — в литературе появился и утвердил себя героем новый человек, представитель советского рабочего класса,—партийный и непартийный большевик.

В годы Великой Отечественной войны рабочий класс отдавал все свои силы делу победы, непрестанно совершенствовал технику производства, увеличил мощность промышленных предприятий, воздвиг новые фабрики и заводы. «Рабочий класс Советского Союза совершил великий трудовой подвиг в нынешней войне» (И. В. Сталин).

Великий этот подвиг достойного отражения в художественной литературе не получил. «Испытание» А. Первенцева, «Огни» А. Караваевой были только первой попыткой запечатлеть по горячим следам событий трудовой энтузиазм рабочего класса в дни величайших в истории битв. Ни одному из авторов не удалось раскрыть новые черты характера советского рабочего, которые проявились в годы войны. Попыткой в этом направлении была, как это уже отмечалось нашей критикой, повесть Ф. Гладкова «Клятва». В ней чувствуется влюбленность автора в труд рабочего.

Значительный недостаток новых произведений о рабочем классе заключается в том, что наши писатели еще глубоко не поняли всей глубины изменений, происшедших в сознании и психологии советского рабочего класса и новой технической интеллигенции, вышедшей из его передовых слоев.

Всем памятно постановление ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь», фильме, в котором период послевоенного восстановления и образы советских людей получили фальшивое, искаженное изображение. Рабочие и инженеры, восстанавливающие Донбасс, были показаны отсталыми и малокультурными людьми с очень низкими моральными качествами.

Наша литература и наше искусство пока еще не преодолели недостатков, указанных Центральным Комитетом партии.

Литературно-художественные журналы за год, истекший со дня этого исторического постановления, за немногим исключением не напечатали значительных очерков, правдиво и полно отражающих трудовой энтузиазм на наших фабриках и заводах.

Только в последних книжках журналы попытались откликнуться на важнейшую тему современности. На ленинградском заводе происходит действие повести А. Чаковского «Мирные дни» («Звезда»). Образы рабочей молодежи и технической интеллигенции рисует Вера Панова в повести «Кружилиха» («Знамя»). Очерк «В одном населенном пункте» — о работе партийного пропагандиста на шахтах восстанавливающегося Донбасса напечатал Борис Галин («Новый мир»). О трудовом героизме сталинградцев рассказывает в своей пьесе «Неугасимое пламя» Борис Полевой («Октябрь»).

Но есть ли это начало перелома? Скорее только первый проблеск.

В проспектах «толстых» журналов на 1948 год с большим трудом можно разглядеть стыдливо упрятанные среди романов и повестей на военные темы и темы колхозной деревни всего две-три повести, в которых, судя по названию, читатель, может быть, встретит и образы советских рабочих.

Советский рабочий класс был и остается руководящим классом в нашем советском обществе. «Это — совершенно новый, освобожденный от эксплоатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества» (И. В. Сталин).

Социалистическое соревнование ныне приобрело всеобщий характер. Наши рабочие не жалеют сил и труда, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить послевоенную пятилетку. На заводах и фабриках ширится замечательное движение — рабочие берут личные обязательства досрочно выполнить годовые планы и пятилетку в целом. Этого не было в довоенные годы. Ряды новаторов производства возрастают с каждым днем, и нет возможности перечислить здесь даже наиболее знатные, уже известные всей стране имена. Недавно ленинградцы обратились с патриотическим призывом выполнить план послевоенной сталинской пятилетки в четыре года, и этот призыв подхватила вся страна — рабочие, колхозники, интеллигенция.

Все это свидетельствует о значительном идейном росте, высоком патриотизме, благородных моральных качествах людей нашей социалистической промышленности. Ныне советский рабочий уже не тот, каким он был в годы первых пятилеток. Он подчинил себе время и властно устремляет его вперед. Показать всему миру новый духовный облик советского рабочего-патриота и новатора — священный долг советского писателя.

И. В. Сталин еще в 1929 году писал, что в нашей печати «...редко можно встретить такие заметки, которые изображали бы сколько-нибудь связно картину того, **как** проводится соревнование **самими массами**, картину того, **что переживают** миллионные массы рабочих, осуществляя соревнование и подписывая договоры, картину того, что массы рабочих считают дело соревнования **своим собственным, родным делом».**

Но ведь это как раз и есть вдохновляющая писателя задача — показать **переживания** миллионов людей нашей промышленности, запечатлеть искусством слова героическую «картину того, как проводится соревнование самими массами».

Народ ждет, чтобы его литераторы заглянули в завтрашний день нашего человека. Когда-то М. Горький мудро говорил, что молодые писатели «должны искать вдохновения и материалов в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи, — воля эта воплощена в рабочем классе».

Невнимание к большой теме наших дней со стороны наших прозаиков, драматургов, поэтов — старых и молодых — свидетельствует о наличии в писательской среде вредной самоуспокоенности и ничем не оправданного благодушия. Как бы ни были значительны достижения советской литературы, нет никаких оснований для самоуспокоенности. Не решены многие коренные темы нашей современности. Союз писателей должен идейно-творчески мобилизовать литераторов на упорную борьбу за решение этих задач. А между тем ни секция прозы, ни секция критики, равно как и секции поэзии и драматургии, не поставили еще вопроса об изображении рабочего класса в литературе.

Рабочий класс должен быть в центре внимания наших писателей. Величественная романтика труда вдохновляла нашу литературу и сделала ее передовой литературой мира, помогла ей создать книги, имеющие глубокое воспитательное значение.

Прекрасное сегодня советского рабочего класса дает еще более вдохновляющий материал для создания патриотических художественных произведений, на которых будут воспитываться поколения новых строителей коммунизма.

* *

Как прославлен их труд

Тысячи юношей и девушек в годы Отечественной войны заменили на заводах и фабриках взрослых рабочих. Множество вчерашних воспитанников школ ФЗО и ремесленных училищ уже в мирные дни опустилось в шахты, поднялось на леса новостроек. Как отражен в литературе их подвиг, как прославлен их труд? Кто из писателей и поэтов написал об этом отряде строителей новой сталинской пятилетки? И много ли книг вообще написано в последние годы о молодом пополнении рабочего класса? На этот вопрос ответить нетрудно. Список этих книг не слишком велик. О подростках в дни войны говорится в рассказе Николая Тихонова «Я все живу», в романе А. Караваевой «Весенний шум», в повестях: Л. Кассиля «Дорогие мои мальчишки», И. Ликстанова «Малышок», М. Карнеева «Соперники», в стихотворениях А. Барто «Никита» и С. Михалкова «Данила Кузьмич» Всего лишь одна книга написана о послевоенной подготовке трудовых резервов — «Бригада смышленых» В. Курочкина. Эти книги и несколько газетных очерков — вот все или почти все, что написано на эту важнейшую тему. Произведения, появившиеся во время войны, не раскрыли с достаточной глубиной и убедительностью серьезную проблему воспитания и обучения молодого рабочего. Почти всюду показан лишь результат: подростки, которые отлично трудятся. Как это было достигнуто, какое упорство потребовалось от самих ребят, сколько умения и терпения приложили те, кто их обучал, — все это не отражено в произведениях. Писатели прежде всего выразили восхищение ребятами, работающими для фронта.

Капка Бутырев — главный герой повести «Дорогие мои мальчишки»—учится в ремесленном училище. Но труд не является основной темой книги. Дело не в том, что сказка Арсения Гая и приключения «командосов Рыбачьего Затона» занимают в ней значительно больше места, чем изображение работы Бутырева. Дело прежде всего в том, что единственная глава «И стар и млад», где показана работа в цеху, написана куда менее увлекательно, чем остальные. В ней есть все, что примелькалось в торопливо написанных очерках о подростках, выполняющих фронтовой заказ: чудаковатый мастер производственного обучения, ветераны труда, с уважением называющие Капку по отчеству, удивительная легкость, с которой Бутырев справляется с трудным заданием. Нет самого главного. Нет преодоления трудности, нет напряжения воли, нет сознательного усилия.

Глава кончается так: «С этого же дня решили работать по два лишних часа вечером. День этот с непривычки показался нескончаемым. Освоить новый урок было не так-то легко. Детали заедало на станках. Мастер-наладчик сбился с ног. У ремесленников были усталые лица...» Торопливый абзац не дает представления о том, что совершили ребята. А ведь в их решении работать два лишних часа в день романтики не меньше, чем в подвигах Великих Мастеров страны Синегории, о которой увлекательно рассказано в этой же книге. Писатель не нашел живых красок, запоминающихся слов для изображения трудового подвига не сказочных героев, а обычных мальчишек, освоивших трудную деталь потому, что она нужна для фронта.

В 1946 году появилась повесть «Соперники» М. Карнеева, в 1947 году — повесть И. Ликстанова «Малышок». Обе книги вышли тогда, когда нельзя было уже только восхищаться самоотверженным трудом молодых рабочих в военное время. За эти годы были созданы методы ускоренного производственного обучения. На заводах страны сложились традиции воспитания молодых рабочих. Писать о них стало труднее и ответственнее. М. Карнеев хотел показать, как коллектив ремесленного училища перевоспитал юношу с индивидуалистическими замашками, как искоренил в нем пренебрежение к труду. Но этого не получилось. Книга называется «Соперники», и тема соперничества вытеснила в ней тему труда, тему коллектива и соревнования. Да и самое соперничество перенесено в область личных отношений. Андрей ревнует Клаву к Виктору, Сима ревнует Виктора к Клаве, и т. д. и т. п. Результат — драка, в которой Виктор едва не лишается глаза, пострадав от тяжелой руки положительного героя повести. Директор училища говорит: «Произошла та вспышка, которая блеснула среди зимней ночи и привела к трагической развязке». Кроме этой «трагической» развязки, в повести есть: немотивированный побег двух учеников из училища, членовредительство одного из них, испугавшегося ответственности за хулиганский поступок, анонимное письмо, написанное этаким училищным Яго, стремящимся усилить соперничество главных героев повести. Безвкусица и прямая пошлость стиля повести вполне соответствуют букету изображаемых событий. «Бледнорозовыми румянами освежила лицо», — говорит автор о молодой работнице. За авантюрными приключениями и бледнорозовыми красотами у автора не осталось места для того, чтобы написать о производственной учебе. Работе в цеху посвящено несколько невыразительных страниц, и, когда под конец повести юные металлурги благополучно выдают плавку спецстали, это производит впечатление отписки. Книга М. Карнеева дискредитирует важную тему.

Иное впечатление производит повесть И. Ликстанова «Малышок». Она рассказывает о том, как военный завод принял в свою семью подростков, о том, как они учились токарному мастерству, как возникла фронтовая молодежная бригада, как она перевыполнила свое обещание давать 175 проц. нормы. Изображение труда составляет ее основное содержание. В скромном и незаметном Косте Малышеве возникает чувство гордости рабочего человека.

«Он, Костя Малышев, превращал черную, грубую заготовку в блестящую деталь «катюши», он был хозяином станка и хозяином металла. Грозная «катюша» ждала его труда... Много радостей может быть у человека, но эта радость взлетает так высоко, что открывается весь широкий мир, и мир становится родным, собственным... Чего не сделает человек, умеющий резать сталь! Вот горы — он их сроет, вот реки — он их запрудит, вот тайга — он прорубит в ней широкие просеки и построит города, вот немец идет на его землю войной — он пожжет, уничтожит фашистов, потому что он хозяин металла, он мастер «катюши»!»

Романтическая приподнятость и взволнованность этих слов оправдана. Прославление труда — одна из важнейших особенностей советского искусства. Борьба подростков за перевыполнение плана описана с настоящей увлекательностью, без которой немыслима хорошая детская книга.

Не обошлось в книге без внешне занимательных похождений мальчиков, собирающихся бежать в легендарный край синего тумана за золотом.

Другой ошибкой повести является то, что люди, которые обучают подростков, показаны неполно и неубедительно. Удачи и неудачи молодежной бригады для руководителей часто оказываются неожиданностью. Когда Малышок, в результате самовольной переделки, ломает станок, секретарь комсомольской организации завода Зина Соловьева может только воскликнуть: «Какой тревожный сигнал!».

Изображение руководителей и воспитателей молодых рабочих, как пассивных регистраторов событий,—неправдоподобно. Не всюду удовлетворит читателя и язык книги. Кое-где ее герои слишком напряженно острят, развязен и грубоват инструктор производственного обучения Стукачев. Но в целом книга удачна.

Уже более двух лет молодое пополнение рабочего класса приходит на производство в мирные условиях. Проблема воспитания молодого советского рабочего требует гораздо больше внимания от писателей. Литература еще в долгу перед этой темой.

Сергей ЛЬВОВ.

★ ★ ★

Ленинградский характер

Летом этого года на площадке Запорожстроя я познакомился с Марком Ивановичем Недужко, лауреатом Сталинской премии, рядовым советским человеком, начавшим свой трудовой путь в качестве каталя мартеновского цеха и прославившимся теперь своими методами восстановления взорванных немцами заводских зданий. Эти методы вошли ныне в учебники строительного дела. О Недужко мне сказали:

— Ленинградский характер!

Я знал, что Марк Недужко в Ленинграде работал короткое время. Было это в первые месяцы войны. Но сделал Недужко немало: с его именем связана прокладка подводного бензопровода.

Немцы бесновались, они силились узнать, откуда в осажденном, наглухо блокированном городе горючее? Они выслеживали с воздуха все пути и дороги. Цистерны с горючим — не иголка, их не спрячешь... А Марк Недужко — рядовой советский человек — спрятал эту «иголку», проложив, как говорят строители, «нитку» бензопровода под Ладогой. Много сил, но немного времени отняло это дело,—вскоре Недужко видели уже где-то на берегах Каспия. До Ленинграда Недужко трудился в разных местах, но, оказывается, даже короткая работа в осажденном Ленинграде позволяла сказать об этом строителе:

— Ленинградский характер!

«Мало родиться на берегу Невы или прописать свой паспорт в ленинградской милиции, чтобы стать ленинградцем в высоком смысле этого образцового определения. Только подлинная принадлежность к беспокойному творческому племени передовых бойцов и тружеников дает право называться настоящим ленинградцем».

Беспокойное творческое племя!

Об этом племени рассказывают очерки, собранные в книге «Ленинградцы». Появление такой книги как нельзя более своевременно сейчас, когда вся наша страна живо откликается на обращение ленинградцев — выполнить пятилетку в четыре года.

Сергей Миронович Киров, имя и слова которого часто упоминают герои очерков в книге «Ленинградцы», говорил: «... не знаю, как технически, а по-коммунистически может и должно быть сделано». Эти слова Кирова приведены в одном из очерков только что вышедшего сборника, и их можно было бы поставить эпиграфом к рассказам о советских людях, сжимающих отведенные пятилеткой сроки, проходящих учебу в суровой и мужественной школе жизни.

«Школа — она кругом. И время, и люди, и сама жизнь», — говорит герой очерка В. Кетлинской «Секретарь райкома» Александр Яковлевич Тихонов. Руководили Тихонов совещанием стариков по поводу насущных дел возрождающегося района, видим ли мы его на новостроящемся корабле или на заседании бюро райкома,—беспокойство, неудержимое стремление вперед, чувство уважения к человеку и его труду отражены в каждом поступке и каждом слове Тихонова. И читатель чувствует, что Тихонов — настоящий человек, живой, напористый, горячий, культурный, для которого ничего невозможного нет и который умеет воспитывать окружающих.

Выполнение планов до срока, осуществление принятых обязательств было совсем не легкой задачей, и только люди, сильные духом, такие, как Куликов («Вступление в поток», записано П. Воробьевым), Хинейко («Большие огни» А. Садовского), Васильев («Восходящая линия» Вс. Воеводина), Галанкин и Шестаков («Запас прочности» И. Колтунова), могли взяться за решение сложной задачи — и победить.

В книге рассказано о работниках металлического завода имени Сталина, вступивших в пору блокады в большое техническое сражение с американской фирмой «Ньюпорт Ньюс» и выигравших бой за советские турбины новых систем. «Ваша работа обогатила советскую науку и технику новым достижением», — писал работникам ЛМЗ товарищ Сталин. О каменщике Андрее Куликове, рабочем-строителе, удостоенном звания лауреата Сталинской премии. О неутомимых кировцах, носителях высокой технической культуры. Об астрономах и токарях. О строителях газопровода и проходчиках метро. Об актерах и спортсменах. Об экскаваторщиках и обувщиках «Скорохода». О конструкторах и восстановителях Ижоры. Черты характера советских тружеников обрисованы в очерках В. Кетлинской «Секретарь райкома», А. Садовского «Большие огни», В. Карпа «Козлов Большой и Козлов Маленький», А. Зонина «Мастера доброй пропорции».

Чего ждет читатель от такой книги, как «Ленинградцы»? Он хочет, чтобы она была написана горячо, страстно и убедительно, как горячи и убедительны самые дела ленинградцев. Этого, к сожалению, не получилось. В стремлении охватить как можно больше сторон ленинградской жизни составители сборника пошли — вольно или невольно — на то, чтобы втиснуть в книгу очерки не одинаковой художественной ценности и интереса.

Книгу «Ленинградцы» хочется рассматривать лишь как первые очерки о людях послевоенной пятилетки, своего рода предисловие к развернутому изображению того, как ленинградцы — инициаторы осуществления пятилетки в четыре года—уплотняют время. Нужно надеяться, что книги новых очерков ленинградских писателей будут стоять на уровне тех больших и значительных дел, которые творят труженики города-героя. А главное: хочется думать, что писатели города Ленина создадут, наконец, настоящие художественные произведения о героических рабочих Ленинграда.

А. ЛИТВАК.

СВЯЩЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

◆

Всеволод ИВАНОВ

◆

Перед вами несколько недавно вышедших книжек из серии «Стахановцы новой Сталинской пятилетки». Каждая в отдельности невелика. Но все шесть вместе составляют довольно солидный том— 16—17 печатных листов — превосходных рассказов из жизни советских рабочих, рассказов, исполненных оптимизма, широкого взгляда на свои дела и на дела других, громадного, неиссякаемого запаса смелости, новаторства, настойчивости.

Здесь вы прочтете и биографию замечательного московского токаря П. Быкова, узнаете о жизни и трудах закройщицы М. Левченко, затяжчика М. Михайловского, мастера участка М. Ярмоленко, проходчиков северо-уральских бокситовых рудников И. Проничкина и Н. Минзарипова, зуборезчика А. Васина, бурового мастера А. Нейматуллы, врубмашиниста Г. Запорожца. Москва, Ленинград, Киев, Урал, Донбасс, Баку. Русские, украинцы, азербайджанцы, татары... Нигде прямыми словами не сказано о дружбе народов, но в труде людей, в каждом их движении, в каждой биографии чувствуется эта дружба. Собственно, без дружбы ни один из них не достиг бы той высокой степени совершенства, которой он теперь обладает.

И раньше выходили биографии рабочих. Вспомните книги, издававшиеся в годы первой пятилетки. Какая огромная разница! В памяти рабочих тогда еще живо было дореволюционное прошлое, поэтому хозяева заводов, полиция, борьба с эксплоататорами и борьба просто за кусок хлеба занимали много места в их биографиях. Завод был уже свой, к заводу, целиком, отношение уже было, как к своему, но машина тревожила. Отношения с инженерно-техническим персоналом были еще не совсем улажены; свои инженеры были еще не всюду. Машины, разумеется, были послушны, но все же... И вот это «все же», эти элементы какой-то внутренней тревоги, беспокойства чувствовались в тогдашних книгах, в тогдашних биографиях рабочих. Литераторы, писавшие о таких книгах тогда, говорили обычно: «Рабочие рассказывают нам свою жизнь бесхитростно, простым, безыскусственным языком...» И это почему-то считалось похвалой. Впрочем, подобные отзывы попадаются и сейчас.

А, по-моему, так писать о книгах нельзя. Видите ли, если с вами говорит человек настоящего искусства, открыватель, ищущий новых путей, это не будет простым разговором. Там, где много мыслей, наблюдений, жизненного опыта, который человек хочет передать другим, безыскусственность, бесхитростность и простота исключаются. Человек неизбежно будет говорить искусно, хитро, потому что он чрезвычайно хитро, искусно, легко проникает в свое дело, и он поведет вас за собой, научит вас тому, чему он научился сам.

Я читал эти биографии стахановцев с увлечением, с удовольствием, с радостью. Книги эти — сложны и рассказывают о замечательных вещах, которые открыл обыкновенный человек и открыл так вдохновенно, с таким увлечением, что смог рассказать об этой сложности без напряжения, умно, красиво, легко. Когда вы прочтете эти книги, вы еще раз поймете и почувствуете, какие изменения произошли в нашей стране, какой, я бы сказал, космический переворот. Изменения произошли не только в технике, но и в психологии людей.

Рекомендую вам прочесть книгу бурового мастера Ага Нейматуллы: «Все глубже в недра». О советском турбобуре, о бурении «вглубь и в любом направлении» рассказано превосходно, техническая проблема изложена популярно, одновременно нисколько не снижая всей технической ее сложности. Для того, чтобы так мог писать бывший чернорабочий, в 1915 году приехавший из деревни и поступивший в буровую партию, должно было произойти в его жизни и в жизни его страны чрезвычайно много хорошего, ободряющего, возвышенного.

И вот перед вами великолепной чередой проходят люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

В книге Герасима Запорожца есть такие строки:

«На двадцать седьмой шахте работает главный механик т. Кравченко. Он знает машины до тонкости, знает все их повадки. Наши шахтеры шутят:

— Все машины знают Кравченко и боятся его.

Кравченко не только замечательный работник. Он вдохновитель и организатор всех рационализаторских предложений. Он сразу улавливает творческую мысль и подводит под нее техническую базу».

Эти слова Герасима Запорожца о машинах, которые «знают» рабочего и «боятся» его, о способности улавливать творческую мысль, относятся ко всем героям этих биографий.

А для того чтобы так управлять машиной, нужно, чтобы свое дело, свой завод или шахту любили все, от мала до велика, от сторожа в проходной будке до инженера.

Но этого мало. Нужно, чтобы и вас, и вашу машину, и ваш завод любила вся страна, вся республика, и чтобы все были охвачены стремлением помочь вам, и чтобы вы были охвачены стремлением помочь своей стране, городу, заводу. Вот тогда машина в ваших руках будет творить чудеса и «бояться» вас, а вы ее будете любить!

Этим полным, ярким и проникновенным чувством любви к родине, к жизни, к труду, наполнены биографии. Вы читаете их, и перед вами еще глубже раскрывается пытливое, настойчивое, неугомонное и великодушное сердце советского человека.

В тайгу приезжает татарин Нигмаджан Минзарипов. Он не имел тогда квалификации, тосковал о родных местах. А тут — сильный, злой ветер, пурга. В общежитии темно и неуютно. «Семью, конечно, сейчас сюда не привезешь», — думает он: — Все чужое — природа, непонятный труд... тяжело.

«Я стал раздумывать... И в конце концов твердо сказал себе: край здесь необжитой, суровый, первое время будет тяжело, но это наш край, родной, советский, богатейший край, его надо обжить, благоустроить, поставить его богатства на службу Родине. Ведь нужно же кому-то за это взяться.

И я остался работать на Северном Урале».

Мужественные, откровенные слова, хотя, пожалуй, чересчур гладко написанные. Так может выражать свои мысли теперешний Н. Минзарипов, лауреат Сталинской премии: тогдашний Минзарипов думал, конечно, то же самое, но выражался не так гладко. Впрочем, это частность.

За этими словами начинаются дела. Борьба с суровой природой, «приручение» машин. В результате этой борьбы Минзарипов получает высокую квалификацию, превращается в бригадира, в знаменитого скоростного проходчика, организатора комплексных бригад. Минзарипов закладывал на Северном Урале первые бокситовые шахты. Его бригада прошла одиннадцать шахт. А тем временем вокруг вырос новый город Североуральск, действительно, самый северный город на Урале.

В книге вы видите необыкновенное уважение стахановцев к своим учителям, почти преклонение перед ними. Почему? Да потому что учителя—люди советские, люди нового строя, с новыми методами учения, с новым отношением к человеку и к труду. Каждая книжка заканчивается рассказом о том, как автор ее передает свой опыт.

Превосходно говорит об этом Г. Запорожец:

«Правда, чем больше работаешь с помощниками, тем скорее они растут и скорее покидают тебя, уходя на самостоятельную работу. Мне грустно было расставаться...

...Потом появляются новые помощники, и тебя уже захватывает новый интерес к их обучению. Ты уже ревниво следишь за их успехами, хочешь, чтобы они обучались скорее и лучше, чем у других машинистов, придирчивее относишься к себе, весь подтягиваешься.

А тут же под землей, где-то недалеко от тебя, в угольный пласт врубается твой друг, твой бывший помощник. У него теперь свои ученики, и все же много твоего переходит к ним. Но там, у них, ты уже как бы исправлен и добавлен, так как твой бывший помощник ученикам передает только лучшее, а твои промахи и не замеченные тобой ошибки он до учеников не доносит. И тогда видишь себя, как в зеркале, и делаешь, конечно, определенные выводы».

Прочтя эти строки, и мне хочется сделать «определенный вывод».

Замечательно, искренне и широко вы сказали, товарищ Запорожец!

Я убежден, что такие хорошие слова в сердцах людей производят не менее сильное действие, чем ваша врубовая машина в пластах угля!

Читаешь книгу за книгой, главу за главой, и гордость наполняет тебя, гордость за советский рабочий класс. Этот класс может исполнить все, что захочет! Эти книги — о мечте, которую пожелал осуществить рабочий и осуществил.

Наши рабочие смотрят на жизнь, как на счастье.

Они смотрят вперед ясным и твердым взглядом.

Бригадир скоростной проходческой бригады Иван Проничкин, лауреат Сталинской премии, говорит:

«Я принадлежу к молодому поколению горняков. Нас воспитывает и ведет вперед партия большевиков. Наша биография начинается борьбой за новый пятилетний план, который дал стране великий Сталин. Поэтому я так и люблю свою профессию, что она дает мне боевое место в многомиллионном строю тружеников сталинской пятилетки. Я люблю наши рудники, где начал свою трудовую жизнь. Они тоже молоды, и их слава в наших руках».

Этому рабочему 21 год. И он говорит, что слава рудников в его руках, и биография «наша» начинается с борьбы за пятилетний план именно потому, что всей душой, всем умом понимает и ощущает ответственность за то великое и могучее дело, которое поднял и осуществляет рабочий класс СССР. Перед рабочим классом нашей страны стоят чрезвычайно ответственные задачи. Лозунг «Пятилетка в четыре года» — это возможность и необходимость привести в движение огромные резервы дальнейшего роста производительных сил, это — дальнейшее углубление и расширение стахановских достижений, это — долг каждого из нас, который мы обязаны выполнить!

Для нас, писателей, эти стахановские книги поучительны еще и вот с какой стороны. Рабочий класс страны выдвинул героев новой послевоенной пятилетки. Это, конечно, всем известно. Известно это и писателям. Однако мы, писатели, еще чрезвычайно слабо показали этого нового героя. Между тем (книги стахановцев еще раз это подтверждают) перед нами герой с совершенно особым, свойственным только этой послевоенной пятилетке, лицом, своеобразным и, разумеется, неповторимым. Прямая и священная обязанность писателя, долг его — шире и сильнее показать читателям образы замечательных героев! Наши журналы, и критика в особенности, должны серьезно заняться этим делом.

И чем больше будет таких биографий, чем больше будет широких художественных полотен на рабочую тематику, о стахановцах новой пятилетки, тем сильнее и ярче будет показана доблесть и слава трудового подвига советского народа.

Серия «Стахановцы новой сталинской пятилетки». Профиздат, 1947 г.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

* Состоялось собрание писателей Латвии. С докладом о патриотическом призыве ленинградцев — выполнить пятилетку в четыре года — и задачах писателей выступил ответственный секретарь правления Союза советских писателей Латвии тов. Краулинь.

Писатели Латвии приняли обращение ко всем работникам искусства, науки и культуры республики, в котором призывают сделать все для того, чтобы помочь латышскому народу выполнить пятилетку в четыре года.

* В Новосибирске открылась творческая конференция сибирских писателей. В ней принимают участие поэты, прозаики, критики, очеркисты Омской, Томской, Иркутской областей, Красноярского края, Кузбасса, Алтая, Ойротии, Горной Шории, Якутии, Тувы.

Михаил ПРИШВИН

Фильм о сельской учительнице

Не о культурной добротности сценария М. Смирновой «Сельская учительница», не о работе режиссера М. Донского, не о мастерстве операторов я хочу говорить: обо всем этом лучше меня, конечно, скажут специалисты. Я смотрю на этот фильм, как на памятник близкому мне человеку, может быть, даже и матери моей, а я будто подошел к памятнику, вспомнил свое и задумался...

Тоже и я учился у одной такой учительницы и, может быть, ей больше всех обязан теми основами поведения, которые — хочу этому верить, а отчасти и знаю—определяют характер моего жизненного творчества. Она была красивая девушка из купеческой семьи среднего достатка. Отцы торговали и гоняли на Оке баржи, дети пошли в революцию. Вырвалась она из тисков старого быта и вместе с братом своим попала прямо в Париж, в Сорбонну. Окончив университет, она вернулась домой и всю жизнь работала в сельской глуши Елецкого уезда, на границе Тамбовской губернии. Через полвека она собрала возле себя огромную семью своих учеников. Последние годы жизни она провела в Москве, в доме ветеранов революции («Дом Ильича»), продолжала и тут каких-то ребят учить, следила неустанно и за моей жизнью и за жизнью всех членов своей огромной семьи. Умерла она восьмидесяти трех лет, ночью, незаметно для всех, а днем перед этим учила кого-то из ребят служащих в этом доме. На похоронах все повторяли одно и то же: какой хороший человек была Евдокия Николаевна Игнатова.

Очень правильно сделано в сценарии «Сельская учительница», что параллельно борьбе героини с темными силами за просвещение показана ее личная любовь и попытка создать свою личную семью. Не удается ей такая обыкновенная любовь, простое материнство, и так сама собой эта сила материнства переделывается в ту силу, которая связывает чужих людей в большую семью.

Вот то же могу сказать о своей учительнице. Не умею себе об'яснить, почему она осталась на всю жизнь девушкой. Только знаю, что утрата личного счастья произошла в ней без «надрыва», и необходимую строгость в отношении нас, безобразничающих ребят, она всегда могла смягчить юмором. Ее материнство к нам раскрывалось, с одной стороны, в строгих требованиях, и это в нас откладывалось, как необходимое «надо». Но это «надо» приходило не как, бывало, в казенных школах,—безлико. Наша учительница потихоньку выслушает твое маленькое «хочется», улыбнется, сделает по-твоему, а ты, благодарный, потом делаешь ее «надо» с большим удовольствием: так у нас был постоянный обмен нашего «хочется» на ее «надо».

А время-то какое было! Замечательно это время дано в фильме. Молодая девушка прямо со школьной скамьи едет в телеге по Сибири с глобусом в руке. Боюсь, что новому поколению не совсем будет понятен и даже покажется шаржем этот глобус на вытянутой руке Вареньки. Но я хорошо помню, как моя Дунечка вся в слезах прибежала к моей матери, бросилась ей на грудь и зарыдала. Мать гладила ее по голове и спрашивала:

— Успокойся, расскажи, кто тебя так обидел?

И оказывалось, что вся обида была в том, что новый законоучитель открыл борьбу против нее. Легко ли было Дунечке внедрить в наши головы систему Коперника, убедить нас разными примерами в том, что земля — не плоскость, как мы это видим глазами, а шар, что не солнце ходит по небу, а земля несется вокруг солнца. Сколько трудов! И вот пришел деревенский батюшка и в один час ребят вернул от Коперника к Птоломею: земля такая, как мы ее видим, плоская, и солнце «ходит» вокруг земли.

Конечно, наш сельский священник возвращал нас к Птоломею просто по крайней своей наивности, но борьба за плоскую землю вообще ведь ведется и другими средствами, и не только в глухих местах...

И это правильно сделано в фильме, что девушка едет на свою смертную борьбу за разум Коперника с одним только глобусом. Благодаря такому смелому и умному началу дальше уже не кажется неестественным, что молоденькая девушка на всех фронтах борьбы своей выходит победителем. Тут, конечно, и само время пришло на помощь автору: тысячи девушек должны были погибнуть в борьбе, чтобы, наконец, пришло время, тысячи эти сошлись в одной, и эта одна побеждает.

Сомнение в деле Дунечки, в его первенстве и значении, было даже и у близких, сочувствующих людей. И что самое плохое, о чем я узнал только уже много времени спустя: Дунечка сама в себе сомневалась. Дело было в том, что учительство в народе Дунечка избрала как народоволец.

Но мало-помалу ее деятельность первой учительницы в уезде была подхвачена прогрессивными людьми, при помощи их она— с внешней стороны — успешно боролась с попами за свой глобус: усвоив себе систему новой географии, дети могли с успехом двигаться дальше по своей жизненной лестнице. Но тут-то вот и начинал их по-своему ловить хитрый «батюшка» в борьбе своей за плоскость земли: благодаря хорошей учительнице успевающие ученики ее предпочтительно перед учениками других школ попадали на лучшие места — дьяконов и городовых...

Были, конечно, и хорошие, достойные своей учительницы-матери дети, но это не могло удовлетворить старую революционерку. С этой неудовлетворенностью она и умерла.

Но пришло новое время, наше время. И пусть это не Вера Марецкая, талантливая актриса, сумевшая отлично сыграть одно и то же лицо в своем развитии — почти от девочки до седой женщины в очках: пусть это Дунечка воскресла, моя учительница-мать.

Она пришла в эту школу девочкой и сказала ребятам:

— Я научу вас мечтать!

И эти созданные ею мечтатели пошли на Отечественную войну, вернулись героями, обнимают седую Дунечку, и все кончается общей победой.

Только для правдивости, чтобы не выдумывать, а писать, как я в самом деле вспоминал о своей учительнице, когда смотрел фильм, взял я примером свою Дунечку. А если оглянуться по сторонам—сколько их! Сейчас, знаю, в Казарменном переулке живет одна в точности такая же Дунечка, и к ней постоянно приезжают проведать из провинции ее седые ученики. Знаю одну и не очень еще старую учительницу в Переславском районе, и мало ли их, таких Дунечек! Всегда я от них ухожу с неловким чувством, что вот надо бы написать о них, и в то же время чувствуешь, мало я этим моим словом могу им сделать: им надо каждой памятник ставить, но она жива и, по существу, делает больше, чем ты сам можешь...

Я не думаю, что успех этого фильма получился от одного только мастерства авторов: никаким мастерством раньше нельзя было сделать фильм о сельской учительнице, не подошло еще время ее торжеству. Теперь это время пришло, и мастерство так хорошо пригодилось.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вьется буйный хмель.

Закончился второй с'езд писателей Таджикистана

СТАЛИНАБАД. (От наш. корр.). Закончил работу второй с'езд советских писателей Таджикистана.

Доклад о таджикской советской литературе и ее задачах сделал председатель правления Союза советских писателей Таджикистана Турсун-Заде. Были заслушаны доклады о драматургии, прозе, детской литературе.

На с'езде выступил секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Шарипов.

Избран новый состав правления Союза советских писателей Таджикистана, в который вошли: Айни, Лахути, Турсун-Заде, Миршакаров, Улуг-Заде, Назиров, Рахим Джалил, Рахим-Заде, Мирзаев.

С огромным под'емом участники с'езда приняли приветствие товарищу И. В. Сталину.

ЗА ОБРАЗЦОВУЮ ПОЛИГРАФИЮ

Ив. СЕРГЕЕВ

ЦЕНА ДИПЛОМА

Полиграфия в царской России целиком зависела от заграницы. Все оборудование, все типографские материалы поставлялись иностранными фирмами-монополистами. Это была зависимость, доходившая порою до глупых и унизительных курьезов: литографский камень добывался на Кавказе, вывозился в Германию и оттуда импортировался в Россию под немецкой маркой.

Уже на заре сталинских пятилеток машиностроительный завод в Рыбинске выпустил первую советскую плоскопечатную машину «Пионер», а ленинградский завод имени Макса Гельца — первый советский линотип. Сегодня наши заводы полиграфического машиностроения выпускают десятки типов различных машин, которыми оснащаются сотни типографий Советского Союза.

Развитие полиграфической промышленности в нашей стране, возникновение крупнейших газетно-журнальных комбинатов и книжных фабрик, рост печати в национальных республиках, областях и краях потребовали подготовки высококвалифицированных специалистов.

Первый в мире полиграфический вуз был организован в Москве на базе Вхутемаса — высшего художественного института. Затем открылся вуз в Харькове. Позже начали работать московский и харьковский полиграфические техникумы, затем техникумы в Ленинграде, Баку, Ташкенте. Эти учебные заведения готовили командные кадры полиграфии.

Из двух вузов — московского и харьковского — в настоящее время работает в полную силу только один. Харьковский институт, переведенный во Львов, восстанавливается очень медленно.

Московскому полиграфическому институту в нынешнем году исполнилось семнадцать лет.

До Отечественной войны институт представлял собой мощный специализированный вуз с богатыми лабораториями, хорошо оборудованными производственными мастерскими, великолепной библиотекой в 160.000 томов. Вуз дал стране немало опытных инженеров-полиграфистов.

В начале войны здание частично эвакуированного Полиграфического института «временно» занял Механический институт, директором которого был назначен по совместительству... директор Полиграфического института, по специальности инженер-механик. Под непосредственным руководством директора и при благосклонном попустительстве Огиза производственные мастерские были разрушены, полиграфические машины разобраны московскими типографиями.

Лишь после того как институт очутился на улице, Огиз начал поиски «подходящего помещения». Полиграфическому институту тут же было передано пустующее здание на Садово-Спасской улице, где институт находится и сейчас.

Когда вы входите в каменный сарай, разгороженный десятками деревянных переборок, где на 787 квадратных метрах размещены 1.100 студентов и преподавательский состав, где расположились и лаборатории, и библиотека, и дирекция, и бухгалтерия, и машбюро, и раздевалки и пр.,— вас сразу же обуревают сомнения: может ли здесь находиться столичный вуз?

Никаким полиграфическим оборудованием институт не располагает, и процессы производства, по образному выражению проф. Георгиевского, приходится показывать студентам «на пальцах»... Качество такой подготовки молодых специалистов нетрудно себе представить! Можно понять, чего стоит диплом инженера, выпущенного Московским полиграфическим институтом.

Когда было организовано Министерство высшего образования, Огиз передал институт министерству, забыв второпях не только о такой мелочи, как составление акта о передаче института, но и о... решении Совета Министров, которое обязывало Огиз провести ремонт института, обеспечить его полиграфическим оборудованием и материалами, организовать производственную практику студентов.

Переход института в Министерство высшего образования нисколько не улучшил его положения. С этим охотно соглашается и тов. Аржаников — начальник Главного управления машиностроительных вузов (под эгидой этого главного управления почему-то находится институт, выпускающий инженеров-полиграфистов, редакторов художественной и политической литературы, художников-оформителей).

После перехода в Министерство высшего образования Полиграфический институт «оказался» в третьей категории (случай уникальный в столице!), хотя по своей мощности и значению он мог быть в первой. Этот казус главк об'ясняет случайностью: полиграфический вуз «забыли внести в соответствующий список». Практически же третья категория означает: меньшую стипендию студентам, меньшую зарплату преподавателям и т. д.

Производственная практика студентов попрежнему поставлена безобразно. Огизовские типографии «подпускают» практикантов к машине с напутствием: «руками не трогать». Руководители типографий опасаются, что практикант, чего доброго, «запорет» машину и выведет ее из строя.

А промышленность с нетерпением ждет руководящих кадров! Даже в крупнейших полиграфических комбинатах столицы инженеры-специалисты насчитываются единицами, не говоря уже о национальных республиках, краях и областях. На всю полиграфическую промышленность Латвийской ССР есть 1 (один!) инженер — технолог-полиграфист.

В текущем году полиграфия потребовала 476 инженеров-технологов, а получила от вуза только 34; вместо 110 инженеров-механиков — лишь 20; редакционно-издательских работников — 80 вместо 273.

Начальник отдела распределения молодых специалистов в Министерстве высшего образования т. Аверьянов не выражает восторгов по поводу деловых качеств молодых специалистов. Однако нужда в специалистах настолько велика, что типографии берут на работу каждого, зная заведомо, что цена диплома Полиграфического института невысока.

Как себя чувствуют на предприятиях молодые специалисты?

«Придя на производство, мы должны учиться заново, учиться даже тому, как подходить к машинам», — говорит т. Кромина (1-я Образцовая типография).

Ей вторит т. Гольфельд (13-я типография Огиза). Молодой инженер т. Голод в письме на имя директора Полиграфического института т. Хомякова из Казани сознается с грустью: «На нас взирают с надеждой, а мы не можем ее оправдать».

Да вряд ли смогут оправдать надежду будущие специалисты, если дело их подготовки не изменится резко и немедленно к лучшему.

Какие же есть к этому пути?

Министерство высшего образования видит единственный выход из положения в строительстве нового учебного корпуса. Но такое строительство еще не начато.

А как работать институту сейчас, в ближайшие годы? Это прямой вопрос министру тов. С. В. Кафтанову.

Второй вопрос мы обращаем к Огизу:

— Не пора ли помочь институту?

Будем надеяться, что на сей раз Огиз откликнется быстрее, чем обычно откликается на письма т. Кафтанова, касающиеся того же Полиграфического института: как правило, они залеживаются в Огизе по 3—4 месяца. Приходится только удивляться долготерпению и миролюбию Министерства высшего образования.

В свете больших задач, стоящих перед советской полиграфией, назрело время подумать о ее командных кадрах и от слов немедленно перейти к делу.

ГЛУХАЯ СТЕНА

Наши предприятия еще не дают типографиям всего, что необходимо. Мы выпускаем цветные краски в крайне ограниченном ассортименте. Мало высокосортных иллюстрационных красок. Между тем заводы в состоянии обеспечить полиграфическую промышленность отличными красками. И мы обязаны их дать!

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Но, к сожалению, эти усилия в значительной степени обесцениваются неудовлетворительной работой поставщиков, от деятельности которых мы зависим.

Можно ли говорить о разнообразном и широком ассортименте цветных красок, когда Министерство химической промышленности не поставляет синих, фиолетовых и зеленых красителей, когда мы не получаем всего того, что необходимо для изготовления трехцветной краски? То же министерство не поставляет нам крайне необходимого химического сырья — индулина, кальцинированной соды и т. д.

Министерство мясо-молочной промышленности отпускает для вальцмассы технический желатин в малом количестве и очень низкого качества.

Мы можем упрекнуть также и Министерство пищевой промышленности: оно часто поставляет льняное масло с высоким процентом кислоты и большим содержанием влаги и отстоя.

Главнефтеснаб почему-то прекратил отгрузку газовой сажи, а Башнефтеснаб систематически отпускает малопригодные для производства красок нефтепродукты. Мы пытались добиться помощи от Министерства нефтяной промышленности восточных районов, но безрезультатно.

Министерство легкой промышленности нерегулярно поставляет ламповую сажу. Управление промкооперации РСФСР отпускает нам мало железной тары. Министерство местной промышленности РСФСР вот уже несколько лет аккуратно выделяет фонды сахар-сатурна, но на выделении фондов все кончается, — реализовать их не удается... Уместно спросить, уважает ли это министерство свои обязательства, платит ли оно по своим векселям?

В значительной степени из-за невнимания работников ряда отраслей промышленности к полиграфии типографии получают такую краску, которая заставляет старых мастеров краснеть. Усилия работников нашей отрасли разбиваются о глухую стену равнодушия поставщиков.

Мы рассчитываем, что положение изменится. Поднятые «Литературной газетой» вопросы уже начинают разрешаться. Трест «Союзжелпром» заверил нас, что он впредь будет снабжать нас высокосортным желатином в необходимом количестве.

Мы верим, что и остальные наши поставщики последуют этому примеру и создадут для красочных заводов такое положение, при котором они смогут выпускать продукцию, обеспечивающую отличное качество печати. Равнодушие к нуждам полиграфии должно быть сломлено.

Г. ГУРЕВИЧ,
управляющий трестом «Полиграф».

Торгаши из Союзпечати

Мы получили от своих читателей письма из различных городов Союза по одному и тому же вопросу — о торгашеском духе в Союзпечати.

Работник треста «Воронежстрой» т. Ясаков сообщает, что в киосках Союзпечати тем, кто отказывается покупать с каждым номером газеты экземпляр одной и той же брошюры, деньги возвращаются обратно с грубым окриком:

— Идите разговаривать с начальством городской конторы Союзпечати, а газету без брошюры не дам. У меня такая установка...

Аналогичный случай произошел на Крюковском вагоностроительном заводе в городе Кременчуге.

«У рабочих нашего завода за последнее время появился большой интерес к «Литературной газете», а поступает она в заводской киоск Союзпечати в ограниченном количестве, — пишет А. А. Лебедев.— Заведующая киоском решила использовать это обстоятельство для повышения торгового оборота. Она продает каждый номер газеты только тем, кто вместе с газетой покупает... обложку для паспорта и залежавшиеся брошюры стоимостью не менее 4 рублей. Всякие об'яснения рабочих, что старые брошюры их не интересуют, она и слушать не хочет».

Заведующая киоском Союзпечати, сообщает дальше т. Лебедев, нашла себе последователей среди работников торговых организаций Крюковского завода.

«Недавно в магазине ОРС'а продавались туфли, стоят они 17 рублей. Однако их продавали только тем, кто, помимо туфель, покупал за 8 рублей шашки.

— Ну, а если мы не играем в шашки?— спрашивали рабочие.

— Это меня не интересует, — отвечал продавец. — Я выполняю приказание директора ОРС'а тов. Кошман».

Напрасно тов. Кошман поторопился воспользоваться «методами» торговли, которыми пользуются работники Воронежской и Кременчугской контор Союзпечати. Это вредные и чуждые нам методы, их нужно немедленно изменить.

П. В. Вильямс

Большая утрата постигла советское искусство. Безвременно, в расцвете своих творческих сил ушел от нас талантливый художник, заслуженный деятель искусств РСФСР, Петр Владимирович Вильямс. Своеобразный и яркий живописец-станковист, автор известной картины «Праздник народов», участник почти всех крупных художественных выставок в СССР, Вильямс с наибольшей силой раскрыл свое чудесное дарование на сцене театра.

Как театральный художник, он с одинаковым мастерством проявлял в драматических, оперных и балетных спектаклях свою поэтическую, полную богатой фантазии, творческую мысль. Он был художником таких выдающихся спектаклей Большого театра, как «Иван Сусанин», «Вильгельм Телль», «Ромео и Джульетта» и «Золушка».

О его именем неразрывно связаны такие этапные работы МХАТ, как «Иван Грозный» и «Победители», а также «Тартюф», «Последние дни» и «Пиквикский клуб».

Лучшие из этих работ Вильямса были удостоены самой высокой для художника награды — Сталинской премии.

Советские театры в поисках новых путей в искусстве находили в лице П. В. Вильямса смелого и глубокого новатора. Он был художником-режиссером с передовым мировоззрением с горячей любовью к родной земле и своему народу.

Больно и горестно сознавать, что жизнь его оборвалась так рано. Светлая память о замечательном художнике и прекрасном обаятельном человеке Петре Владимировиче Вильямсе сохранится в сердцах советского зрителя и товарищей по работе.

Храпченко М., Барсова В., Батурин А., Бондаренко Ф., Давыдова В., Иванов А., Козловский И., Кругликова Е., Леонтьев Я., Лавровский Л., Лепешинская О., Лемешев С., Мелик-Пашаев А., Максакова М., Михайлов М., Пазовский А., Пирогов А., Рейзен М., Уланова Г., Ханаев Н., Шиллер Н., Файер Ю., Книпер-Чехова О., Качалов В., Кедров Н., Месхетели В., Прудкин М., Станицын В., Топорков В., Герасимов А., Герасимов С., Дмитриев В., Мухина В., Сарьян М., Федоровский Ф.

Путевые заметки

Италия, Франция, Германия

В сентябре и октябре 1947 года в Венеции происходил 8-й международный фестиваль киноискусства. Как мы уже сообщали, фестиваль закончился полной победой советских кинокартин, получивших наибольшее количество премий. Такой итог явился результатом честного состязания кинематографической продукции многих стран на экране фестиваля. Но как до фестиваля, так и во время его не было недостатка в попытках подменить соревнование картин закулисной борьбой, газетной шумихой, дорого оплаченной рекламой и другими, еще более недобросовестными комбинациями. Участвовавшие в фестивале реакционные крупно-капиталистические круги не мало потрудились, чтобы опорочить советские кинокартины, сорвать их успех. Таким образом, в венецианском соревновании произведений киноискусства отразилась та острая политическая борьба, которая происходит сейчас во всем мире между демократическими силами и их реакционными, империалистическими противниками.

Советские делегаты, участвовавшие в венецианском фестивале, стали свидетелями многих фактов, которые помогают разобраться в процессах политической жизни, происходящих сейчас в Западной Европе и Америке. Об этих событиях рассказывает участник венецианского фестиваля, режиссер Гр. Александров в серии статей, написанных для «Литературной газеты».

1. ВЕНЕЦИЯ

Венеция — город туристов. Они с'езжаются сюда ради сохранившихся памятников архитектуры и искусства некогда могущественной и цветущей Венецианской республики. Богатые иностранные путешественники — основная статья дохода нынешней Венеции, и обслуживание их — главная индустрия города. Разнообразные сувениры и фотографии, торговля цветным стеклом и копиями известных картин, отели, музеи, выставки—все это приспособлено для привлечения иностранцев.

Этой же цели призваны служить и кинофестивали, начало которым было положено в 1936 году.

До войны участники и гости этих фестивалей размещались на известном курорте Лидо, в нескольких километрах от старой Венеции, на узком и длинном острове того же названия. Это позволяло иностранным гостям любоваться средневековой романтикой города гондол и одновременно пользоваться комфортом вполне современных жилищ. Ныне Лидо занято: его облюбовали американские оккупационные войска, и итальянцам пришлось перенести фестивали в старую Венецию.

С точки зрения дохода города Венеции кинофестиваль нынешнего года вполне себя оправдал. Он привлек множество делегаций, представителей прессы, любителей кино. Такого рода «успеху» фестиваля его всех сил способствовала и пресса, небескорыстно оглушавшая публику потоком сенсационных сообщений.

Так, три дня подряд газеты анонсировали прибытие на фестиваль Чарли Чаплина. Было подробно описано прибытие Чаплина в Европу, его приезд в Париж, в Италию. Помещены были фотографии Чаплина, сообщения о его последней картине «Месье Верду», расписание его занятий в Венеции, программа встречи Чаплина на венецианском вокзале—десятки «достоверных» подробностей, хотя на самом деле Чаплин и не собирался приезжать в Венецию. Но отсутствие Чаплина в день, назначенный газетами для его приезда, ничуть не смутило авторов этих сенсаций. Они тут же приступили к новой серии аналогичных сообщений, на этот раз о Грете Гарбо. Грету Гарбо сменил на страницах газет американский кинорежиссер Орсон Уэллс, американского кинорежиссера — английский кинематографический магнат Рэнк и целый ряд широко известных, просто известных и даже малоизвестных кинематографических деятелей и дельцов.

Эти сообщения вполне себя «оправдали», хотя в них не было ни слова правды. Они привлекли множество других гостей — тех, кто рассчитывал на деловое свидание с Рэнком, тех, кто хотел повидать Чаплина, тех, кто хотел увидеть знаменитую киноартистку. Все это увеличивало число посетителей в отелях, посетителей кафе, покупателей сувениров. И, конечно, кассы всех этих ресторанов, кафе, магазинов, отелей и были теми истинными источниками, в которых черпали свое вдохновение авторы безудержного вранья.

* * *

Но есть другая Венеция, которую не посещают иностранные туристы, где предпочитают не показываться англо-американские войска, где знают настоящую цену писаниям продажных газет. Это — новая Венеция, Венеция будущего. Она находится на островах Мурано и Бурано, где дымят трубы знаменитых заводов венецианского стекла, где шумит индустриальный город предприятий Бреда, где грузятся и разгружаются суда, — это Венеция рабочая, трудящаяся и борющаяся.

О борьбе и симпатиях людей, которые здесь живут и работают, узнаешь уже при первом посещении этой части города. Об этом красноречиво говорят революционные лозунги и красные флаги, которые можно увидеть буквально всюду: на заводских трубах, на стенах домов и предприятий, на тендерах паровозов и бортах грузовых судов. Здесь в заводских цехах и в рабочих клубах, в библиотеках и помещениях профсоюзов можно увидеть портреты Ленина и Сталина, Максима Горького, портреты Тольятти, фотографии борцов итальянского движения Сопротивления, сражавшихся за свободу и независимость своей страны, погибших в боях с фашистами или замученных в застенках гестапо. Здесь всюду видишь знак единения трудящихся—скрещенные серп и молот и лозунги: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует Сталин!», «Да здравствуем ты и я!». Множество лозунгов со стен домов, фабрик, вокзалов призывает трудящихся Италии к борьбе против реакции, против американского империализма, за независимость, свободу и честь итальянского народа.

Эту Венецию не любит, ее боится нынешнее итальянское правительство де Гаспери. Тем более, что эта Венеция не всегда остается в границах своих островов. Нередко она появляется на улицах, каналах и площадях старой Венеции, немало досаждая туристам и интуристам, которые считают себя хозяевами этого города.

Незадолго до фестиваля — но без всякой связи с ним, — на площади св. Марка был устроен митинг христианских демократов. На этот митинг прибыл и премьер-министр де Гаспери с группой своих единомышленников. Как христиане, христианские демократы открыли на свой митинг свободный доступ всей реакционной и торгашеской части венецианцев. Как «демократы», они приняли все полицейские меры, чтобы на площадь не проникли представители трудящейся Венеции.

Обеспечив себе таким образом сочувствующих слушателей, де Гаспери дал полную волю словам. Речь его была прямым предательством в отношении итальянских рабочих и была исполнена угодливости к американским кормильцам итальянского премьера. Возмущенные толпы рабочих, прорвав полицейский кордон, ворвались на площадь. Испуганное правительство отдало приказ пустить в ход гранаты со слезоточивым газом. И жандармы выполнили этот приказ. Но тут ветер подул в сторону правительственных трибун...

Мне показывали замечательные фотографии, на которых премьер и члены его кабинета, вкупе со всей жандармской охраной, проливают горькие слезы под смех и свист тех, для кого предназначались газовые гранаты жандармов. В этом, быть может, можно видеть некий символ...

Готовясь к фестивалю, итальянские власти немало забот уделили тому, чтобы стереть, счистить, соскрести знаки серпа и молота, нарисованные на стенах соборов, дворцов, монастырей, отелей старой Венеции.

Не раз по ночам мы наблюдали за этой работой и итальянских полицейских и солдат оккупационных армий. Там, где «неподходящие» изображения нельзя было смыть или стереть, — их выжигали паяльными лампами, вытравляли кислотами. А наутро серп и молот вновь появлялись на прежних местах, как бы прорастая сквозь старые камни Венеции.

И это происходит не только в Венеции. Нет такого города или такой деревни в Италии, где христианские демократы — правительственная партия — совместно с оккупационными войсками не старались бы уничтожить знак серпа и молота—эмблему борьбы трудящихся с антидемократическими силами. И нет такого места в Италии, где старания эти были бы успешны. В одном из городов местные власти, состоящие из фашистов, запретили изображение серпа и молота под страхом тюремного заключения. И в этот же день знак этот появился... на багажнике автомобиля, в котором ехали эти самые грозные представители власти.

Во время предвыборной борьбы христианские демократы решили заклеить прогрессивные лозунги и эмблемы великолепными красочными плакатами, доставленными для этой цели из Америки. В одну ночь город был наводнен ослепительными изображениями христианских благ с призывом: «Голосуйте за христианских демократов!». В таком виде плакаты эти провисели только одни сутки. В следующую ночь на всех этих плакатах появились новые буквы. И наутро итальянцы читали: «Не голосуйте за христианских демократов!».

Все это — лишь внешнее выражение той большой и серьезной борьбы, которую трудовая Италия неустанно ведет против реакционеров и империалистов, за свободу и независимость своей страны.

* * *

К официальному списку государств, участвовавших в фестивале, следовало бы прибавить еще одно — Ватикан.

Папство уже давно причислило кинематограф к арсеналу божественных средств и охотно пользуется им, а также и теми доходами, какие он приносит. В итальянском кино Ватикан претендует на командные позиции. Посетитель венецианского фестиваля на одном из выставочных стендов мог прочитать, что из 5.000 проекционных аппаратов, действующих в Италии, — 3.000 принадлежат Ватикану.

Кино нуждается в рекламе, и к пропаганде папских кинотеатров привлечен сам господь бог. Поэтому в церквах и соборах красуются списки, в которых особо перечислены картины, угодные богу, которые следует смотреть верующим, и особо — те картины, которые католикам смотреть не следует. В списке, осененном благословением, как и на экранах папских кинотеатров, утверждается обычно американская кинострянина, пропагандирующая самые страшные преступления против человечности и морали. Перед этими произведениями двери итальянских кинотеатров широко открыты. Зато папский ключ наглухо закрывает двери перед прогрессивными фильмами, исполненными подлинной морали и человечности. Эти фильмы трудно увидеть итальянскому зрителю, потому что из остальных 2.000 кинотеатров, не купленных Ватиканом, 1.500 принадлежат американским компаниям. Оставшиеся же 500 сохраняют лишь формальную независимость от иностранцев. На деле же и они оккупированы иностранными киноинтервентами и управляются подставными лицами. Недаром — не даром в буквальном смысле — итальянская ассоциация кинопрокатчиков приняла резолюцию, в которой говорится: «Если в Италию не будет разрешен свободный доступ американских фильмов, то прокатные фильмы и владельцы кинотеатров вынуждены будут... обратиться к крайнему средству защиты... к прекращению демонстрации итальянских фильмов во всех кинотеатрах Италии».

Все это об'ясняет распространенную в Италии поговорку о том, что неизвестно, кто у кого служит — папа римский у Трумэна, или наоборот. Но так или иначе, оба усердно служат единому, всесильному, вездесущему, непогрешимому Доллару.

Свою кинематографическую деятельность Ватикан не ограничивает прокатом. Он занимается и производством кинокартин, одна из которых была представлена на кинофестивале в качестве претендента на первый международный приз. О том, что приз якобы получит именно «Монсиньор Винцент» —фильм о святом Винценте,—известно было еще до начала фестиваля. Фильм этот, сделанный во Франции на папские деньги, проповедует благотворительность и сострадание богатых к бедным, как панацею от всех зол мира. Фильм превозносили и готовые к услугам газетчики, и священники в своих проповедях. И чтобы окончательно расчистить «Монсиньору Винценту» путь к первому призу, представитель Ватикана на фестивале предложил союз... советскому делегату. Сделано это было под флагом создания единого фронта моральных и человечных картин против безнравственной и аморальной американской кинопродукции. Призы же, дескать, можно будет разделить полюбовно. Само собой разумеется, что советская делегация, отвергающая всякие закулисные сговоры и интриги, отвергла и это предложение. И вслед за тем католики немедленно усилили свои нападки на советские кинокартины.

Что же касается католического фильма о сострадании к бедным, то он так и не получил приза.

Гр. АЛЕКСАНДРОВ.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ВЫХОДИТ 7 ДЕКАБРЯ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01589.